

СЫТИН

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ИМПЕРИЯ**

Валерий Чумаков

Сытин. Издательская империя

«Автор»

2011

Чумаков В. Ю.

Сытин. Издательская империя / В. Ю. Чумаков — «Автор», 2011

Иван Сытин начал свое дело в 1876 году с литографической мастерской. А к 1916 году у него уже не было конкурентов в издательском бизнесе. Оборот фирмы перевалил за 11 млн. руб. Один за другим мощная корпорация бывшего крестьянина поглотила российские торговые дома Коноваловой и Кудинова. За год до Октября Сытин выкупает «Московское товарищество издательства и печати Н. Л. Казецкого» и основной пай главного своего конкурента – издательства Маркса. Вся Россия лежала у ног олигарха.

© Чумаков В. Ю., 2011

© Автор, 2011

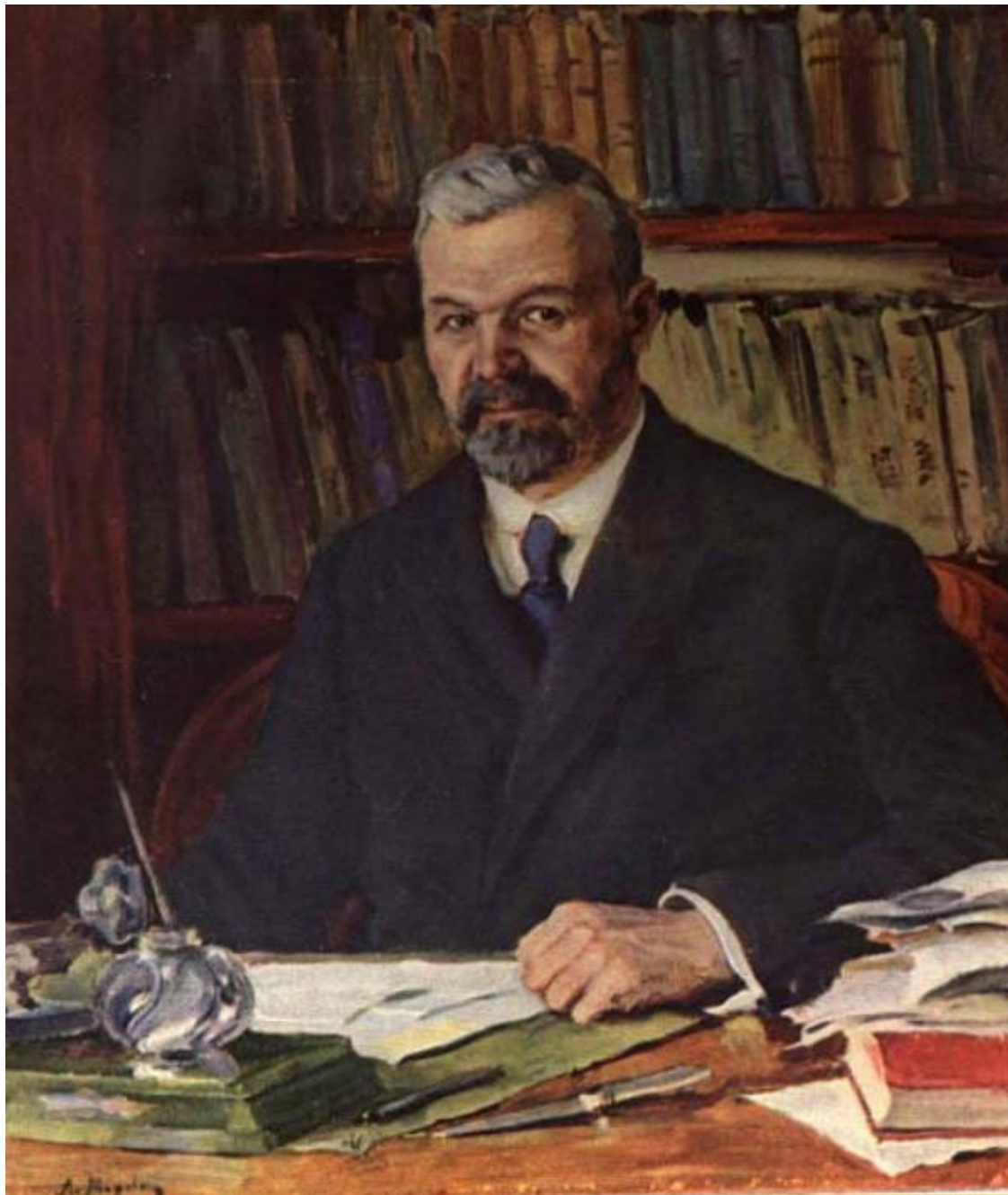
Содержание

Заход	6
Самая нечитающая	6
Часть первая	13
Писаренок детство, школа, ненавистная грамота	13
Не стать маляром	18
Ученье-терпенье	20
До фени	24
Ярмарки краски	28
Тысяча к Одному	31
Выпускные	34
Часть вторая	39
Стартап	39
Счастливые карты	43
Крестьянская доля	52
Часть третья	59
Дело хозяйское	59
Картины и картинки	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валерий Чумаков

Сытин. Издательская империя

Посвящается тем, кто не сдается.

Иван Дмитриевич Сытин, портрет неизвестного художника, 1908 год

Заход

Самая нечитающая

«В некотором царстве, в великом государстве, в славном городе Антоне жил-был добрый король Гвидон.

И узнал он, что в славном городе Дементиане у короля Кирбита есть дочь, прекрасная королевна Милитриса.

И позвал он к себе любимого слугу Ричарда, вручил ему письмо и сказал: «Слуга Ричард! Служи мне верою и правдою, поди в город Дементиан к доброму и славному королю Кирбиту от меня свататься».

И слуга Ричард государя своего не ослушался, принял грамоту, поклонился, и поехал в город Дементиан к доброму и славному королю Кирбиту.

И прибыл слуга Ричард в город Дементиан, и передал письмо королю Кирбиту.

И пошел король в покои к прекрасной королевне Милитрисе со словами: «Дочь моя, Милитриса! Приехал в наш город посол от короля Гвидона, тебя сватать. И я не могу ему отказать, потому что у него войска много соберется, наш город огнем пожжет и головней покатит, а тебя возьмет насильно».

И прекрасная королевна Милитриса упала на колени перед отцом, говоря: «Государь мой, батюшка славный король Кирбит! Когда я была молодой, царь Додон сватал меня. И ты, государь мой, не отдал меня за него. А теперь не отдавай меня за короля Гвидона, отдай за царя Додона. Царь Додон будет нашему городу правитель и от всех стран защититель».

И славный король Кирбит от славного короля Гвидона отстояться не мог и отдал дочь свою прекрасную королевну Милитрису за короля Гвидона.

И король Гвидон жил с нею три года, и прижил сына, храброго витязя Бову королевича.

И прекрасная королевна Милитриса позвала слугу, и написала письмо царю Додону: «Добрый и славный царь Додон! Приезжай в город Антон, изведи короля Гвидона, а меня возьми в жены».

«И если ты, слуга Ричард, государыню свою ослушаешься, я тебя перед королем Гвидоном оболгу, так что он велит тебя злою смертью казнить».

И слуга Ричард государыни своей не ослушался, грамоту принял и поехал к царю Додону.

И прибыл слуга Ричард к царю Додону, и вошел в царские палаты, и положил грамоту на стол перед царем Додоном.

И царь Додон принял грамоту, и распечатал, и прочел, и покачал головой, и рассмеялся: «Что государыня ваша меня смущает? Она же замужем за королем Гвидоном и сын у нее — храбрый витязь Бова королевич».

И слуга сказал: «Государь добрый царь Додон! Оставь меня здесь, вели посадить меня в темницу и кормить довольно. А сам, государь, поезжай в наш город Антон. И если слова мои не сбудутся, вели меня злою смертью казнить».

И царь Додон обрадовался, и велел в рог трубить. И собрал он войска 37000. Поехали они под Антон и расставили шатры в королевском лугу.

И увидела их Милитриса из своего терема, надела драгоценное платье, пошла в королевские палаты, и сказала: «Государь, мой добрый король Гвидон, я беременна во второй раз. Захотелось мне мяса дикого кабана. Убей вепря и накорми меня свежим мясом».

И король Гвидон обрадовался, так как не слышал таких речей три года от своей прекрасной королевны Милитрисы.

И велел король оседлать коня, взял в руки копье, и поехал в чистое поле на охоту за диким вепрем».

То, что вы только что прочитали, не отрывок из русской народной сказки, не былина и уж тем более не летопись. Это начало книги «ПОХОЖДЕНИЕ О ПРЕКРАСНОМ ЮНОШЕ И О ХРАБРОМ ВИТЕЗЕ БАВВЕ КОРОЛЕВИЧУ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО ДРУЖНЕВНЕ КОРОЛЕВНЕ», более известной в народе как «Повесть о Бове-королевиче». Пользуясь современной терминологией вполне можно сказать, что это был не просто «хит», а супер-мега-хит, всероссийский бестселлер, державшийся на верхушках читательских и издательских списков не год, ни два года, и даже не десятилетие, а несколько веков. По популярности с героем этой мега-книг мог поспорить разве что еще один литературный титан – Еруслан Лазаревич. Книжки о двух этих богатырях, о которых сейчас уже помнят лишь специалисты, переписывались и перепечатывались громадными тиражами во всевозможных версиях и различных интерпретациях. И оба романа нельзя назвать чисто российскими, все это переводы. Повесть о Бове пришла к нам еще в XVI веке из Италии. Туда она попала, в свою очередь, из Франции, а самый первый из известных вариантов романа был написан в стихах еще в XIII веке в Англии и назывался он «Бэв из Хамптона» (Bevis of Hampton). Вкратце содержание книги таково: Бэв – сын графа города Хамптона¹ Ги и его молодой жены, дочери короля Шотландии. Графиня не любит мужа и просит своего бывшего жениха, германского императора Доона (отсюда пошел пушкинский царь Додон) прийти с войском и убить его, когда он отправится на охоту. Опасаясь мести от малолетнего сына, она продает его купцам-сарацинам. 10-летнего Бэва увозят в Египет к королю Гермению. В 15 лет он становится рыцарем и поступает на службу к королю Брадемунду. Полюбившая его принцесса Жозиана, дочь Гермения, сначала не встречает с его стороны взаимности. Оклеветанный Бэв проводит в тюрьме Брадемунда семь лет. За это время Жозиану выдают замуж за Ивори де Монбрана, но она сохраняет девственность благодаря чудесному поясу. Бэв убегает из тюрьмы, убивает Брадемунда, освобождает Жозиану, сражается с великаном Эскопартом и убеждает его принять христианство. Втроем они бегут в Кельн. Затем Бэв, желая отомстить за смерть отца, отправляется в Англию. В его отсутствие граф Кёльнский Милес силой женится на Жозиане, но во время брачной ночи она его убивает. От казни ее спасает вовремя вернувшийся Бэв. Собрав армию он идет походом на Англию, побеждает Доона и бросает его в расплавленный свинец. Мать Бэва кончает жизнь самоубийством, сбросившись с башни. Вскоре Бэв покидает Англию, оставив там Жозиану. Разлука продолжается семь лет. За это время рыцарь обращает в христианство всех жителей Египта, после чего возвращается к жене. Умирает он в один день с Жозианой и своим верным конём Арунделем.

¹ Ныне – Саутгемптон (англ. Southampton) – город-порт и унитарная единица на южном побережье Великобритании, в церемониальном графстве Хэмпшир в Англии, на берегу Солентского пролива.

Бова-королевич бьётся с Полканом, лубок

Еруслан Лазаревич хоть и был в российской интерпретации славянских кровей, на самом деле происходил от иранского богатыря Рустема. Его книжные похождения были не менее увлекательными и фантастичными, чем у Бовы. Истории от нем сошли с печатных страниц и перевоплотились в былины. Многие филологи, например, утверждают, что самом известное из былинных повествований, рассказывающее о битве Ильи Муромца с Соловьем-разбойником почти точно соответствует описанию встречи книжного Еруслана с богатырем Ивашкой.

Что говорить, сюжеты у книг были насыщенные, детективно-приключенческие. Это были настоящие хиты, построенные по четким законам жанра рыцарского романа. Которыми зачитывалась вся Европа. Вот только Европа зачитывалась ими до XVI века, потом читать их уже было неприлично. Над Доном Кихотом Ламанчским, который с легкого пера автора, Мигеля де Сервантеса, любил их больше какой либо другой литературы, все смеялись уже в самом начале XVII-го. Впрочем, не все. В России не смеялись. У нас такие «русифицированные» рыцарские романы пользовались повышенным спросом вплоть до конца XIX века, а последняя книга про Бову-королевича, не пародийная, ни научная, а вполне нормальная, рассчитанная на массового читателя, вышла аж в 1918 году. И массовый читатель вполне охотно потреблял такую литературу.

Конечно, в истории книгопечатания мы отставали от Запада весьма сильно. Первые свои инкунабулы Иоган Гуттенберг отпечатал еще в середине XV века. Наши же Иван Федоров и Петр Мстиславец, наученные посланным датским королем к Ивану Грозному печатником Гансом Мисангеймом, выпустили своего «Апостола» с вековым опозданием – в 1564 году. Правда, некоторые историки считают, что «Апостол» был не первой из выпущенных в Московии книг, что, возможно, двумя годами раньше были еще напечатаны «Евангелие» и «Постная Триодь», но эти два года особой роли не играют. В любом случае, печать книг, как нормальное производство, в России началась в середине XVI века. И тогда же к нам пришли отыгравшие свое на западе Бова и Еруслан. И именно Россия помогла им прожить еще несколько столетий.

Странно сказать, но в стране Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Фонвизина, Грибоедова и массы других замечательных авторов их, вплоть до конца XIX века этих классиков читал

лишь жалкий процент населения. Для крестьян, а их на Руси было 90 процентов, эти литераторы были недоступны. Не потому, что они не могли их понять или оценить, далеко не все крестьяне были тупы, безграмотны и ограничены. Они были им недоступны именно потому, что они им были недоступны. Такие книги в деревни просто не приходили. Они были довольно дороги и бродячие торговцы, «офени», даже и не пробовали их брать с собой. А брали религиозную литературу, всегда пользовавшуюся спросом уже просто из практической пользы, и те книжки, что были подешевле и «позабористее» – про Бову, да про Еруслана.

Это по поводу содержания. Что касается формы, то тут в печатной продукции безраздельно царствовал лубок. Книжек было немного, это были, большей частью, Библии, Тропари и Жития святых. Художественных брошюр было, не считая уже упомянутых Бовы и Еруслана, крайне мало, стоили они от двух гривенников и выше и предназначались почти исключительно для помещиков и аристократов, да и то не для всех. Зато лубок был доступен даже самым бедным из россиян. Как по цене, так и по содержанию.

Несмотря на простоту, первые лубочные картинки появились в Москве даже позже, чем первые книги. Как и многое другое в истории человечества, технику печати простеньких картинок в больших количествах придумали китайцы еще в VIII веке нашей эры. В те времена Китай был государством самых передовых технологий, а Европа старательно и часто безуспешно старалась скопировать удивительные товары, привозимые купцами с Дальнего Востока. Технология изготовления китайского лубка была, как нам сегодня кажется, совсем несложна, тем не менее, у европейских печатников на то, чтобы «переснять» китайский опыт ушло несколько веков, а в России первые лубочные картинки были напечатаны только в XVII веке. Появились, и сразу завоевали всенародную любовь.

Запуская в производство новую картинку, печатник сначала рисовал ее углем на бумаге. Бумага накладывалась на дубовую доску, – «луб», – после чего светлые места тщательно и довольно глубоко, вместе с деревом, срезались специальным скребком. В результате, картинка на доске превращалась некое подобие большой деревянной печати с высокими стенками на местах бумажных линий. Далее на доску наносилась краска, после чего на нее накладывали бумажный лист и прижимали его прессом. На нем отпечатывалась необходимая картинка, пока еще черно-белая, «простовка». Отпечатанные «простовки» поступали к раскрасчикам, обычно – бабам и подросткам, а те уже их расцвечивали в соответствии с собственными представлениями о необходимой палитре и с материальными возможностями. Цвет того или иного объекта на листовке чаще зависел не от того, каким он был на самом деле, а от того, какой краски было в достатке у рисовальщика. Главное требование, предъявляемое заказчиком и неукоснительно выполнявшееся исполнителем: цвета должны были быть яркими, агрессивными, бросающимися в глаза, а сочетания – резкими. И никого не удивляло, что нос у солдата был зеленым, солнце – синим, а река – красной, так было даже еще смешнее. а значит – коммерчески выгоднее. Один «цветальщик», а именно так назывались специалисты по лубочной раскраске, за неделю обрабатывали до 1000 листовок и получали за это 1 рубль. Что было не так и мало.

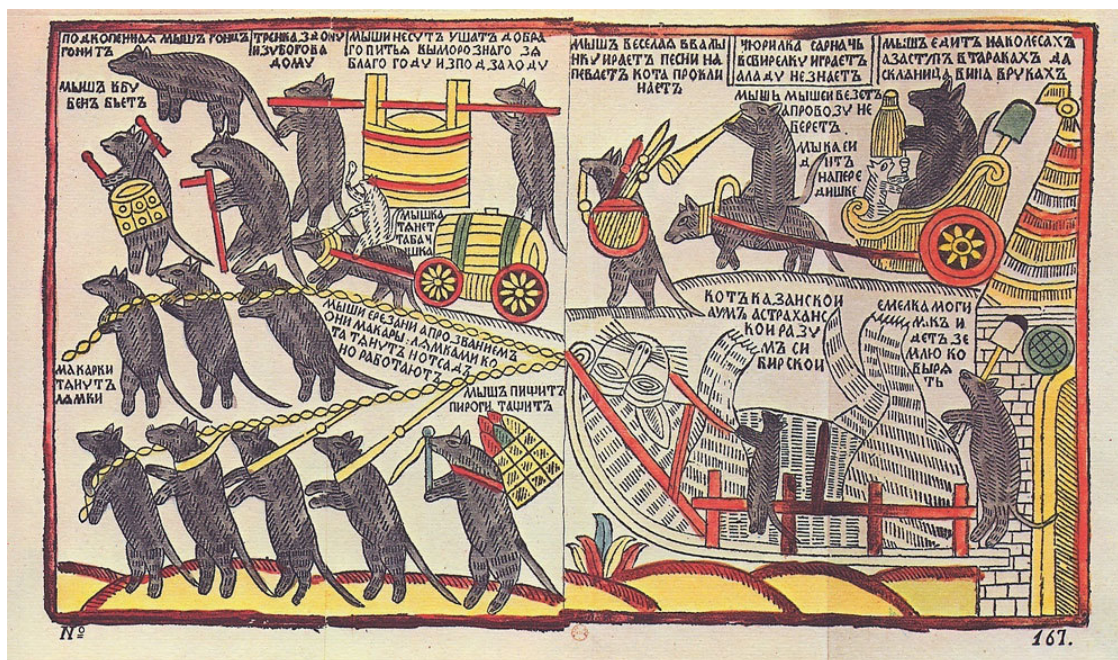
Изначально завезенные к нам из Германии картинки назывались «фряжскими», то есть – французскими или просто заморскими, импортными. Вскоре они обрели уже более конкретное название, в котором отражалась и страна производитель, и основная направленность – «Немецкие потешные листы». Только в конце XVIII века появилось слово «лубок».

Причем, как оно появилось до сих пор толком никто не может ответить. Совершенно точно можно сказать, что связано оно с дубом – «лубом». Именно от этого деревянного корня произошла, например, «палуба» (по чем ходить? «па лубу»). Можно вспомнить еще и завидный для всех «лубяной» коттедж зайца-терпилы из известной сказки, который по всем параметрам значительно превосходил ледяной «эконом» лисы-беспредельщицы. То есть, в связи «дуб» – «луб» – «лубок» никто не сомневается, но вот в промежуточных звеньях. Согласно основной

гипотезе, название картинок произошло оттого, что печатались они на дубовых, «лубяных» досках, стало быть, были «лубяными». Кто-то считает, что название произошло от московского района Лубянка, в котором располагалось множество лубочных мастерских-типографий. Тут их было так много, что некоторые «москвоведы» даже выводили обратную зависимость, типа, название площади и примыкающих к ней малой и большой Лубянки происходят от выпускавшихся тут лубков. Но это исключено совершенно, ибо московская площадь называлась Лубянской еще в пору, когда ни о каких бумажных лубках и речи не было. А назвали площадь еще в XV веке в честь новгородского района Лубяницы. Именно в этом месте селились в Москве новгородские переселенцы. Согласно третьей версии, бродячие книготорговцы носили картинки в специальных деревянных лубяных коробах. Короб был лубяной, и лежавшие в нем завлекательные картинки, стало быть, были «лубками».

Картинки были, и правда, завлекательными. Встречались и весьма пикантные, поступавшие, большей частью, контрабандой из той же Германии. У нас печатать что-то смелое на тему взаимоотношения полов было сложно: за этим строго следили как светские, так и церковные органы. Хотя вообще содержание лубков часто носило довольно острый характер.

Одно из самых известных и издаваемых лубочных произведений называлось «Смерть кота». Считается, что авторами его были обиженные Петром I старообрядцы. Самые старые из дошедших до нас картинок с этим сюжетом относятся к 1730-м годам. На лубке изображен умерший здоровый котяра с пышными, истинно петровскими усами. Покойный лежит на саях кверху лапами, а сани тащат множество мышей. Тут же везут бочки с вином, с табаком, а в отдельных санках едет безутешная вдова с сиротами, причем и вдова и дети кота всюду хлещут винище. Текст лубка гласит: «Небылица в лицахъ найдена в старыхъ светлицахъ завёрнута в Черныхъ трепицахъ. Жиль быть Коть заморской, А родомъ задонской, Котафевна Астраханка, А родомъ Казанка. Вотъ какъ Мышы ката погребали, сваво недруга правожали ему честь атдавли. По празванью Коть Котафеичъ, Онъ часта пиль Ерафеичъ. Невзначай онъ многа выпиль ерошки и вздернулъ кверху ношки. Котафевна такъ и ахнула, Слезами залилась, Стала думать и гадать, куда Котафеича девать. Она была нибогата, но толька Слишкомъ торавата, посылала звать гостей изо всехъ волостей, по лесамъ и по палямъ, по анбарамъ, по клетямъ. Скоря мышы сабралиса и задело принялисa: пашла Стrepня, рукава Срехня, жарили-варили, Котафеича хвалили, блинки допикали, сваво недруга поминали. Коту ноги накрипка Свезали и на большыя дровни Поднимали, а Котафевну зъ зади посадили. Котафевна горька плакала-рыдала, и причоты причетала, и за хвостъ Котафеича держала. Такъ мышы Кота поминали и ерофеичъ допивали». И такая жесткая сатира почти свободно выходила вплоть до 1822 года, когда для них было введено обязательное цензурирование. Сначала полицией, а потом – специальным управлением в составе Министерства народного просвещения. Разумеется, сразу после этого кот потерял свое сходство с Петром I, да и текст претерпел серьезные изменения. Несмотря на это измененный лубок еще долго успешно продавался, уже как юмористический.

Смерть Кота, лубок

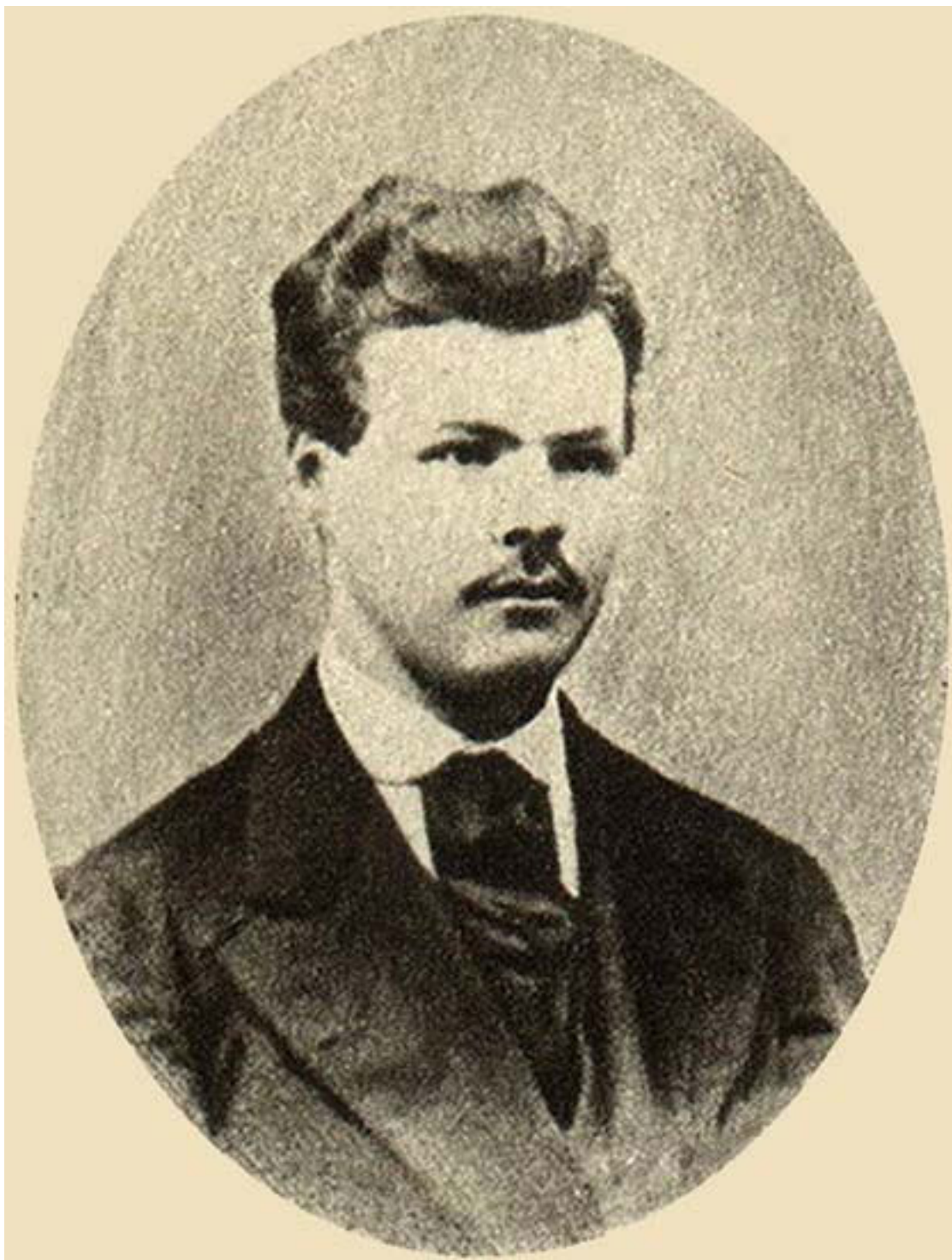
Именно из такой продукции на 90, а то и больше, состоял книжный рынок России.

Конечно, были среди российских издателей и те, что печатали более серьезную литературу. Но только было их крайне мало, а издававшиеся ими книги были рассчитаны всего на 5 процентов населения страны. Поскольку лишь каждый двадцатый россиянин был грамотен и мог заплатить за хорошую книжку 20 и больше копеек, а не 1,5–3. А те, что пытались печатать интересно и для всех обычно кончали свою жизнь плохо. Так, начинавший печатать свои книжки еще при Екатерине II пожалуй первый из российских просветителей Николай Новиков² за 12 лет выпустил в свет 455 книг. Это были недорогие и весьма качественно изданные труды лучших отечественных и западных (большой частью – французских) литераторов и ученых. Через собственные лавки он продавал свои книги в Вологде, Ярославле, Твери, Туле, Казани, Киеве, Смоленске и других городах империи. Кроме того Новиков помогал издавать московскую газету, выпустил при ней бесплатное приложение «Детское чтение» и создал первый словарь русских писателей. Вся эта деятельность окончилась для него заключением в Шлиссельбургскую крепость, в которой он провел четыре с половиной года. Должен был провести 15, если бы не помилование, которое объявил ему восшедший на престол Павел I в первый же день своего царствования. После освобождения и вплоть до смерти в 1818 году наученный горьким опытом Новиков занимался просвещением исключительно среди своих крестьян в своем поместье Авдотьино.

Но вечно так продолжаться не могло. Империя обязательно должна была вырасти из детской литературы» и взяться за серьезные книги, хранившие серьезные знания. Рано или поздно должен был появиться в стране человек, который не побоялся бы поднять упавшее знамя высокой и при том народной литературы. Конечно, для такого дела он должен был быть высоким интеллектуалом и исполином духа. Его не должны были пугать возможные преследования со стороны властей. И он должен был быть человеком состоятельным, чтобы иметь возможность наводнить гигантскую империю дешевыми и качественными книгами, букварями и журналами. Так должно было быть. Так и стало. Только не совсем так, а несколько иначе. То есть,

² Николай Иванович Новиков (1744–1818) – русский журналист, издатель и общественный деятель.

человек появился, но был он безграмотен, не особенно смел, с виду – мягок, весь податлив и изначально совсем не богат.

Иван Дмитриевич Сытин, фото, 1873 год

Часть первая

Писаренок детство, школа, ненавистная грамота

Вам это может показаться странным, но почти половина крестьян в крепостной России середины XIX века были свободными людьми. Демократизация общественных процессов всю гнула постепенно отгнивавший монархический строй и, если по данным первой ревизской переписи, проводившейся еще во время правления Петра Великого в 1719 году, в стране было чуууть больше миллиона свободных хлебопашцев (именно – 1 миллион 49 тысяч душ мужского полу), что составляло примерно 19 % от всех российских земледельцев, то менее чем через полтора столетия очередная 10-я ревизия в 1858 году таких не закрепощенных душ, официально называвшихся «государственными» или «экономическими крестьянами», насчитала уже почти 10 миллионов. 9 миллионов 345 тысяч, что уже равнялось более чем 45 %. Такие «свободные сельские обыватели», в отличие от крепостных людей, уже обладали какими-то, пусть и нехитрыми, но правами. Им разрешалось владеть собственностью, торговать, заключать сделки, покупать землю (без крестьян), владеть заводами и фабриками и даже выступать в суде. От своего собственного лица. За все это они обязаны были платить государству оброк – от 7 до 10 рублей в год. Кроме того, за всю эту кучу прав им вменялось в обязанность платить подушные подати на нужды земств (читай – районов и областей) и отбывать трудовую повинность. Участвовать в строительстве дорог, перевозить на своем транспорте государственную продукцию, давать дома под постой для солдат и офицеров российской армии и так далее. За все это государственные крестьяне отвечали перед государством «круговой порукой». Сейчас мы используем этот термин в случаях, когда говорим о том, что один человек прикрывает другого, другой третьего, последний – первого, а концов нет. Тогда же это означало, что за повинности и провинности одного члена «круга», – сельской, деревенской, станичной общины отвечают все ее члены. Кто-то недосдал государству в закрома тридцать килограмм сушеных грибов – все жители деревни напрягаются и досдают, не дожидаясь прихода вооруженных отрядов. а потом уже сами разбираются с обленившимся или зарвавшимся соседом.

Естественно, для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу по обслуживанию государственных нужд силами крестьянского населения государству требовалось создать приемлемую инфраструктуру. Обеспечивали ее деревенские, сельские и прочие старосты, при которых служили «водители делооборота» – писари. И те, и другие происходили вовсе не из дворян, а из тех же крестьян. Первые – из авторитетных, вторые – из грамотных.

Сын государственного крестьянина Герасима Сытина Дмитрий был способным учеником. Самым способным в местной начальной школе. Ему нравилось учиться, нравилось выводить букву за буквой, складывать цифры и читать интересные книжки. После уроков он частенько оставался в классе и даже иногда помогал учителю проверять тетради других, не таких успешных как он учеников. Такому таланту грех было не помочь. И после окончания Дмитрия отправили доучиваться уже в более серьезную, городскую школу. Окончив ее с прекрасным аттестатом он вернулся в родное село Гнездиково Солигаличского уезда Костромской губернии, где был с радостью принят на должность волостного писаря.

Волостью в России XIX века называлась низшая единица территориального деления, волостное правление можно сравнить с современным сельсоветом. Население одной волости не превышало двух тысяч душ мужского пола, а максимальное расстояние от приписанных к волости деревень и поселков не могло превышать 12 верст (читай – километров, 1 верста больше километра всего на 67 метров). Состояло правление из волостного старшины, сельских

старост, сборщиков налогов, волостных судей и, конечно, писарей. Документооборот в ту пору был ничуть не меньше, чем сейчас, и, при отсутствии каких либо пишущих или печатающих устройств в штате приходилось держать по несколько писарей. Дмитрий был сметлив, дисциплинирован, трудолюбив и вскоре его поставили на должность старшего пристава. Что для села было почти равноценно барину или помещику. Земельный надел писарям полагался маленький, да и это понятно: при довольно напряженной работе в правлении у них и не было времени на занятия сельским хозяйством. Однако, волостные служащие от такого «ущемления» вовсе не страдали, и бобылями³ их назвать было никак нельзя: умение не просто написать, а правильно написать нужную бумагу всегда было одним из способов неплохого прокорма. Составил для просителя прошение, или жалобу, или отношение – получил десяток яиц, или курочку или фунт пшена. Каждому – по потребности, от каждого – по возможности.

³ Бобыль – так на Руси называли одиноких, безземельных крестьян. Бобылем часто также называли обнищавшего, бездомного человека.

Дмитрий Герасимович Сытин

Писарь в селе был завидным женихом, и Дмитрий Герасимович недолго ходил в холостяках. Уже вскоре после поступления на должность он обвенчался с дочкой местного крестьянина Ольгой Александровной. В 1851 году 5 февраля у них родился первенец. На восьмой день сына, как и положено, крестили в честь святого Иоанна Иваном. Вслед за ним супруга принесла мужу еще троих детей – одного сына и двух дочерей.

Ольга Александровна Сытина

Положение «писарят» на селе было особым. Обычных, крестьянских детей к труду привлекали уже с самого раннего возраста: трехлетки пасли гусей, пятилетки умело управлялись со свиньями, овцами, козами, шестилетки, как мы помним из стихов Некрасова про мужичка с ноготок, уже помогали родителям в лесозаготовках, а те, что старше уже и в ночное ходили, и луга косили, и жали, и молотили. А вот писарским детям молотить уже было нечего. Как вспоминал потом Иван Сытин, они сидели дома по углам и мучились от безделья. Неопределен-

ность положения изводила и заставляла прятаться от сверстников. Те же воспринимали писаренка как настоящего классового врага и, при случае, не стеснялись ему это показать.

В положенный срок Иван был определен в сельскую начальную школу при волостном правлении. В отличие от отца, Иван Дмитриевич никакой тяги к учебе не проявил. «Школа была одноклассная, в преподавании – полная безалаберность, – писал в своих воспоминаниях Сытин. – Учеников пороли, ставили в угол на колени или же на горюх, нередко давали и подзатыльники. Учитель появлялся в классе иногда в пьяном виде. А в результате всего этого – полная распушенность учеников и пренебрежение к урокам, Я вышел из школы ленивым и получил отвращение к учению и книге – так опротивела за три года зубрежка наизусть. Я знал от слова до слова весь псалтырь и часовник, и ничего, кроме слов, в голове не осталось». Окончив обучение, мальчик с радостью избавился от учебников и постарался забыть ненавистную грамматику и арифметику. Эту «неученость» будущий миллионер и медиамагнат пронес через всю свою жизнь. До конца дней он писал с ошибками, расставляя запятые где придется, а лучше – и вовсе не ставя их. Антон Чехов говорил о нем: «Это интересный человек. Большой, но совершенно безграмотный издатель, вышедший из народа». На юбилейном торжестве, посвященном полувековой деятельности предпринимателя, его хороший знакомый П. Мартынов сказал: «Недостаток образования во многом помешал этому замечательному человеку. Но, может быть, благодаря этому недостатку деятельность Сытина и заслуживает признательности. Сытин не то что любит и признает просвещение. Он влюблен в него. И если можно говорить об идейной стороне его деятельности, то именно в этом смысле».

Пока Иван Сытин постигал начала грамотности в школе, жизнь в семье стала разлагаться. Аккуратный и трезвый раньше отец все чаще стал «позволять себе лишнее». Ему явно тоскливо было жить в селе, но тоску эту он мог исправить лишь одним способом. Которым и начал лечить свою депрессию. «Лечение» это шло по нарастающей, постепенно он пропил все сбережения, начал продавать вещи и даже одежду. Во время очередного запоя он вполне мог уйти из дому и не появляться в нем неделю. Возвращался он свежим, спокойным, неожиданно трезвым и даже рассудительным. Жене он твердо обещал, что больше ни грамма в рот не возьмет и несколько дней, а иногда даже недель честно держал свое обещание. Ольга Александровна всеми своими женскими силами старалась как-то помочь мужу. Везла его ко врачам, знахарям, ездила к святым местам, заказывала молебны у иконы «Неупиваемой чаши». Однако муж пить не переставал.

И все время твердил, что здесь в селе он с тоски умрет. Это было похоже на правду. Когда Ваньке Сытину исполнилось 12 лет, его отца, которого еще совсем недавно ставили всем в пример, после очередного загула выгнали с работы. Это было тем тяжелее, что у Ольги Александровны как раз в этот год родился младший брат Ваньки, крещенный Сергеем. Но отец даже, кажется, обрадовался увольнению. Поскольку в селе его особо ничего не держало, он собрал оставшиеся вещи и вместе с семьей перебрался в Галич.

Не стать маляром Галич, Нижний Новгород, Коломна, Москва

Это был уже настоящий город, никакое не село. Однако дефицит грамотных людей чувствовался и здесь. Поэтому Дмитрию Герасимовичу не составило большого труда получить в здешней земской управе место письмоводителя. Только не подумайте, что письмоводитель разносил письма, выполняя обязанности курьера. Отнюдь нет. Это был делопроизводитель, канцелярский чиновник не самого низкого ранга. В управе Сытину-старшему положили довольно высокий оклад – 22 рубля в месяц. Это было в два раза больше, чем заработок самого квалифицированного заводского рабочего. Жизнь вновь приобрела для Дмитрия Сытина интерес и смысл. Пьянка была забыта и семья вздохнула сначала с облегчением, а потом и с радостью. Ольга Александровна одела детей в новую одежду, в съемной квартире появилась новая мебель, а в ящике комода образовались и начали постепенно расти небольшие пока, но накопления.

Отец хотел отдать Ваньку уже в городскую школу, для того, чтобы сын получил полноценное образование. Однако сына такая перспектива откровенно не радовала. Учиться дальше он вовсе не собирался. Писать, читать и считать он хоть плохо, но умел, а все остальное считал явным излишеством, каковое в малярном мастерстве ему вряд ли чем могло помочь. А вопрос с малярным будущим был уже решен. Профессия эта была перспективная, денежная, можно сказать – престижная, поэтому предполагалось, что раз мальчик не хочет учиться грамоте, значит осенью он поедет в Елабугу, где знакомый мастер обещался взять его в ученики.

Потом, в своих воспоминаниях Иван Дмитриевич сам задавал вопрос: «Почему Сытин не маляр?» И сам на него отвечал: «Помешал случай...». И вправду помешал. Летом, чтобы не терять зря время Ваньку решено было отправить в Нижний Новгород, на ярмарку. Тут он помогал в работе своему дяде, скорняку Василию Герасимовичу. 13-летний парнишка был боек и смел. Дядя промышлял торговлей меховым товаром вразнос. Когда очередная партия подходила к концу, он посылал племянника за новым продуктом. Ванька носился по ярмарочным рядам как метеор, слушал хозяина с полуслова и выполнял все задания с блеском. Своей работоспособностью и покладистостью он покорила не только дядю, но и коломенского купца Василия Кузьмича, у которого они обычно брали товар для продажи. Уже к середине ярмарки он освоил роль зазывалы. Звонкий и веселый мальчишеский голосок заметно увеличил объем дядиных продаж. А к концу лета дядя Василий уже даже доверял ему небольшую собственную торговлю. За лето Ванька заработал 25 рублей денег, целый вагон опыта меховой торговли и незабываемые впечатления. Теперь профессия маляра уже не казалась ему такой уж привлекательной. И Василий Гаврилович был с ним целиком согласен.

– Не дури, – сказал он брату, возвращая Ваньку. – Загубишь парня. Малец хорошим купцом может стать. Он уже в мехах не хуже моего разбирается, а ты его в мазилы хочешь определить...

Дмитрий брата послушал и решил подождать с определением профессии сына еще годик.

Весь этот год, вплоть до середины лета Ванька жил ожиданием очередной поездки на ярмарку. Официально она открывалась 15-го июля, однако Сытин прибыл на нее уже в начале месяца. Теперь он определился на службу к тому самому коломенскому купцу, у которого года назад брал товар на продажу. Бойкий мальчишка вновь угодила хозяину и заработал больше, чем в прошлом году – 30 рублей. Когда ярмарка уже подходила к концу Василий Кузьмич, воспринимавший Ваньку уже чуть не как собственного сына, сказал ему:

– Что тебе ехать домой и болтаться там без дела, поедem, я устрою тебя в Москве.

Лучшего Ванька и не желал. Москва была тогда главным российским торговым и промышленным центром. А для костромского мальчишки, видевшего себя в мечтах большим

меховым торговцем, она была и вовсе центром мира, средоточением всех мыслей и устремлений. Юный Сытин согласился на предложение хозяина почти не раздумывая. Половину заработанных денег он отдал купцу, за проезд, а половину – отослал в семью, матери.

Но сразу добраться до Москвы не вышло. Сначала пришлось остановиться в Коломне, где у Василия Кузьмича была основная торговля. Поселив парнишку в своем доме купец отправился в первопрестольную для того, чтобы уладить там какие-то свои меховые дела и, заодно, подыскать для места для Ваньки.

Больше недели мальчишка провел в чужом городе среди незнакомых людей. Впрочем, незнакомыми они были ему только разве что на самых первых порах. Уже в ближайшие несколько дней он сумел передружиться с домашними, с рабочими-скорняками и с соседскими пацанами. Степень сближения дошла до того, что в воскресенье его пригласили поучаствовать в традиционной забаве – кулачной схватке между «заводскими» и «фабричными». И хотя такие стычки обычно не оборачивались тяжелыми увечьями, а до убийства и вовсе редко доходило, все-так юный Ванька испугался. Он вежливо поблагодарил пригласивших, но отказался, сославшись на слабое здоровье. Однако посмотреть на драку все-таки пришел. Место он занял среди многочисленных, подтянувшихся к мероприятию, зрителей, на пригорке рядом с лугом, на территории которого ожидалось основное сражение.

Противники пришли на место двумя большими толпами, среди которых были представители абсолютно всех возрастов, от юнцов, до стариков. Первоначально обе толпы расположились лагерями примерно в полусотне шагов друг от друга и начали словесную артподготовку:

– Ну, Бова, смотри, как бы я тебе морду не набил.

– А ты, Еруслан, держась покрепче, да глянй, чтобы я тебе фонарей не наставил.

Активную фазу драки начало молодое поколение. Не дожидаясь, пока взрослые достаточно раззадорят себя выкриками, мальчишки с криками и гиканьем сошлись в рукопашной. Постепенно в образованную ими кучу начали вливаться и вовсе более старшие товарищи. Кишащее месиво росло, отличить в нем членов одной команды от членов команды другой можно было, разве что только на слух, судя по тому, кого они призывали бить – заводских, или фабричных. Но призывы эти только декларировались и все получали все примерно поровну, как от чужих, так и от своих. Схватка продолжалась около часа, пока одна из сторон не победила, и не погнала проигравших с поля боя. Определить кто именно и кого именно погнал было сложно, но гнали в направлении именно того пригорка, на котором расположились зрители. Видимо, проигравшие хотели смешаться с толпой, и у них это получилось. В результате те из зрителей, кто не успел сообразить и вовремя убратсья, были так же включены в ряды драчующихся и получили свою порцию тумачков. Несколько хороших затрещин пришлось и на Ванькину долю. Потом он часто и с восторгом о них рассказывал.

Хозяин вернулся из Москвы только в среду. Однако ни чем хорошим порадовать Ваньку он не мог. Ни у одного из знакомых меховщиков свободной штатной единицы для 15-летнего Ваньки не нашлось. Но и ехать домой ему совершенно не хотелось. В ожидании подходящего места он был готов на любую работу. Лишь бы в Москве и лишь бы в торговле, к которой он уже прикипел душой.

– Коль так хочешь, – сказал тогда хозяин, – могу я тебя определить к Шарапову. Он говорил, у него в книжной лавке местечко есть. У него две торговли, меховая и книжная. Поступай к нему, посмотрим: понравится – хорошо, а то в меховую переведет. Главное, служи честно, будь старателен, а старик не обидит.

Такая перспектива показалась Ваньке привлекательной и он согласился с предложением коломенского купца. Не откладывая дела в долгий ящик Василий Кузьмич написал мальчишке рекомендательное письмо и вместе с провожатым скорняком отправил его на вокзал.

Учение-терпенье Служение в лавке, первые хитрости

Иван Сытин на всю жизнь запомнил эту дату: 13 сентября 1866 года в 6 часов вечера он ступил на московскую платформу Рязанского вокзала⁴. Время было позднее, лавки уже не работали и идти сразу к Шарапову на Ильинку смысла не было. Ванька с провожатым переночевали на Таганке, у знакомой скорняка, служившей в столице в няньках.

Ранним утром путники отправились к Ильинским воротам, где в ряду нескольких балаганов и балаганчиков располагалась небольшая книжная торговля московского меховщика Петра Николаевича Шарапова. Книжками он начал заниматься почти случайно. Собственно занятие это досталось ему в наследство от брата и больших барышей не приносило. Годовой оборот лавки не дотягивал до 18 тысяч рублей, а весь ассортимент состоял из 120 лубочных сказок, нескольких азбук, изображений святых, псалтырей и хорошо продававшихся песенников. Несмотря на незначительность, книжное дело купец любил и бросать его не собирался. Хотя и вкладываться в него особенно не хотел, не веря в его финансовую перспективность.

Петр Николаевич Шарапов

День был праздничный, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, поэтому хозяина в лавке не было. После заутренней он, вместе с друзьями и знакомыми, пошел в расположенный неподалеку трактир. Выпить по несколько чашек чая. Все чинно и благородно: истовый старообрядец Шарапов и подумать не смел о том, чтобы в церковный празд-

⁴ Рязанский вокзал – с 1894 года – Казанский вокзал Москвы.

ник пить что-то крепче чая. Поэтому 15-летнему соискателю места даже не работника, а ученика пришлось подождать. «До прихода хозяина меня экзаменовал милый старичок, издатель и типограф Ефим Яковлевич Яковлев, товарищ и друг Шарапова, – вспоминал полвека спустя Иван Дмитриевич. – Этот худенький, седенький человек очень любил читать назидания.

– Ну что, брат, служить пришел? Служи, брат, усерднее. Себя не жалея, работай не ленись, раньше вставай, позднее ложись. Грязной работы не стыдись, себе цены не устанавливай – жди, когда тебя оценят. Базар цену скажет.

Пришел хозяин, старец почтенного вида, истово помолился на образа. Ему подали мое письмо. Посмотрел.

– Ну что же, ладно. Возьмите его, Василий Никитич, – сказал он главному приказчику. – Что-то он больно велик ростом. Эй, парнюга, вот тебе наставник – Василий Никитич. Служи честно и усердно – будет хорошо.

Я низко поклонился и стал на указанное место к двери, где и стоял бессменно четыре года»⁵.

Мальчишка четко воспринял указания как хозяина, так и наставников. Трудился честно, от работы не увиливал, точно выполнял все, что ему поручали. Бегал за водой, мыл лавку, начищал сапоги, раздувал самовар, чистил одежду, стоял на дверях, впуская и выпуская покупателей. Иногда его допускали покрутить ручку литографической машины, на которой Шарапов печатал свои лубки. По воскресным и праздничным дням купец брал мальчонку с собой на утреннюю службу в Успенский собор. Жил Ванька тут же, у хозяина, с ним и столовался. Пятнадцатилетний подросток воспринимал хозяина как отца, слушался его как отца, все делал лишь с его благословения и поэтому не стоит удивляться тому, что уже вскоре и сам Шарапов стал относиться к мальчишке, как к сыну. Это был тем естественнее, что своих сыновей, а значит и наследников, у него не было, а были лишь две дочери. Чем дальше, тем больше парню доверяли. Ему поручили чистить и хранить дорогую серебряную посуду, посылали с деньгами и за деньгами к другим купцам, поручали принимать и отпускать товар. И все это Ванька делал быстро и аккуратно. Не только хозяин, но и приказчики и работники маленькой литографии не могли нарадоваться на расторопного помощника. Уже через год он стал при купце камердинером и даже больше того – доверенным лицом. Кроме книг и мехов у Шарапова была еще одна, не столь видная торговля: старик покупал и продавал старинные иконы. Об этом знал довольно небольшой круг людей, в основном – коллекционеров. Дома купец держал очень дорогие вековые образа в золотых и серебряных окладах, инкрустированных драгоценными камнями. И камердинеру было поручено заботиться о них, стирать пыль и чистить оклады. Это было знаком самого высокого доверия, ведь некоторые из икон стоили целого состояния и молодой Ванька знал это прекрасно. И ценил.

Престарелый уже Шарапов любил поучать, а Ванька – любил слушать, поэтому они составляли идеальную пару, когда вечером, расположившийся в кресле купец четко и медленно объяснял юнцу, как надо делать жизнь. Ванька слушал стоя, а время от времени, не перебивая, а дождавшись паузы в речи, вставлял вопрос, после которого наставления уходили в новое русло. Стоять и слушать Ванька мог бы часами, благо молодые ноги то позволяли, но Шарапов знал меру и после очередного «наказа», выдавал своему «мальчишке» список рекомендованной к чтению литературы.

Шарапов любил читать и приучал к тому же молодого Сытина. Читал он, в основном, духовные книги и их же считал наиболее подходящими для поднятия духовного и образовательного уровня своего любимца. «В свободные часы читал бы для души хорошие книги, – поучал он Ваньку, – особенно перед сном или в большие праздники»⁶. И Ванька исправно

⁵ И. Д. Сытин, «Жизнь для книги», Москва, 1978.

⁶ И. Д. Сытин, «Из пережитого»

и послушно читал, постепенно все более и более втягиваясь в это, неожиданно оказавшееся довольно увлекательным, занятие. Сначала купец проверял, как ученик выполняет «домашнее задание», устраивал даже настоящие экзамены. И Ванька неизменно сдавал их на хорошо и отлично. Затем проверки перешли на более доверительный уровень: старик просто иногда якобы случайно подсматривал, что именно читает молодой Иван Дмитриев сын. Для комфортного чтения Ваньке разрешалось до 10 часов вечера жечь сальную свечу с обязательным условием ни в коем случае не закапать дорогие старинные фолианты из Шараповской домашней библиотеки.

Книжки так понравились юнцу, что вскоре он уже и не помышлял ни о каких мехах. По вечерам Сытин читал поучения древних старцев, а днем, когда выдавалась свободная минута, вытягивал в лавке из стеллажа что-нибудь из популярной литературы и вновь уходил в чтение. Шарапов об этом знал, но занятию этому не препятствовал. Как мудрый торговец он, напротив, поощрял и это чтение, справедливо полагая, что это необходимо для увеличения продаж. Ибо Ванька частенько и с вдохновением рассказывал забредавшим в лавку полуграмотным крестьянам содержание очередного «романа». Рассказывал столь красочно, что не купить после этого книжку было просто невозможно.

Ванька любил хозяина и был с ним честен. Так же, как честны бывают с родителями подрастающие дети. Скажем так, он был условно честен. Природная сметка и страстное желание разбогатеть не позволяли перерасти этой честности в кристальную. И давайте поглядим правде в глаза: бизнес никогда и нигде не может быть абсолютно честным. В особенности – большой бизнес. Никто не говорит, что он должен быть лживым, но некоторая лукавость выступает в нем чем-то вроде легковозгорающегося топлива, которое используют для разжигания или усиления огня. Да и понятие честности вполне можно отнести к относительно субъективному. Во всяком случае, грань между порядочностью и мошенничеством хоть и существует, но имеет некоторый запас, в рамках которого каждый человек устанавливает собственную границу.

Периодически такое случалось, в лавке пропадали книжки. Какие-то, небольшие, терялись сами по себе, что-то уносили вороватые посетители, какие-то умыкали приказчики. Особенно обидно было, когда пропадали отдельные тома больших собраний сочинений – самого дорого товара. Когда пропажа обнаруживалась, старик Шарапов жутко сокрушался и ворчал на приказчиков. После чего снижал цену на оставшиеся тома сразу в несколько раз. Как-никак некомплект. Стоивший 10–15 рублей многотомник в таком неполном состоянии уценялся до 3–5 рублей. Впрочем, и по такой низкой цене его не особо покупали. До тех пор, пока торговля не поручалась Ваньке. У него, почему-то, лежащая некондиция уходила влет. А спустя неделю – полторы Шарапов жаловался своему «мальчику»:

– Вот, Ванька, а книжечка то прошлая нашлась. Кой-то ее за «Елезара» в правый шкаф задвинул. Вытащил, видать почитать, да и задвинул. А мы с тобой уже остальные за копейки продали. За три рубли. За треть, она как. И с этой что делать теперь, кто ее теперь купит.

– Ничего, батюшка, продадим как-нибудь.

– Да кто ж ее купит одну? Не, не продашь.

– А вы, Петр Николаевич ее копеек в пятьдесят поставьте, с Божьей помощью, продадим.

– Не, за пятьдесят не продадим, дай Бог за двадцать продать...

– Не, Петр Николаевич, поверьте мне, поставьте по пятьдесят. Я продам, не сомневайтесь.

И действительно, после очередного своего дежурства радостный Ванька докладывал хозяину:

– Петр Николаевич, а я ведь ту книжку за полтину продал. Господин один зашел, из культурных, так я ему рассказал, какая книжка умная, он и купил.

– Ну, Ванька, молодец, – хвалил «мальчика» Шарапов. – Быть тебе большим купцом. Продавать ты умеешь, покупателя чувствуешь, и Господь тебе помогает.

А несколько дней спустя Ванька потихоньку относил полный многотомник знакомому букинисту на Никольский книжный рынок, где продавалась литература для богатых покупателей. Чистая прибыль от операции составляла от семи до десяти рублей.

Вот и подумайте, была ли эта небольшая операция обманом по отношению к хозяину? Наверное была, но на самой грани, какую установил для себя подрастающий Иван.

Конечно, к такой интересной схеме прибавки к жалованию Сытин пришел не сразу, а лишь через несколько лет упорного «ученья». Пока же Ванька терпеливо и жадно впитывал основы книжной торговли. Уже скоро после устройства на работу он столкнулся с первыми оптовыми покупателями.

До фени Мелкий и крупный опт

В России второй половины XIX века в деревнях магазинов не было. В крупных селах лавки иногда встречались, но ассортимент их был крайне скуден. Да и смысла в лавках особого не было, крестьянские хозяйства старались быть максимально самодостаточными. Питание обеспечивали поле, огород и скотник, нехитрую одежду бабы шили сами, грубые повседневные холсты тоже ткали сами. У хорошего хозяина на дворе было целое производство. Несколько раз в год крестьяне ездили на ярмарку, где продавали излишки того, что сделали и вырастили сами, и покупали то, что сделать не могли принципиально. Но все это касалось, в основном, крупного товара. Что же касается мелочей, упомянуть и спланировать необходимые закупки, чтобы не купить лишнего, но и не остаться без нужной вещи, было сложновато. Поэтому часто случалось, что крестьяне вдруг оставались без швейных игл, которые ломались или терялись, или без ниток, которые неожиданно кончались, или без нарядных лент, которые неизвестно куда пропадали. И вот тут им на помощь приходили бродячие торговцы – «офени». Хотя правильнее было бы писать «афени».

Можно с уверенностью утверждать, что никто из крестьян не смог бы сказать, почему этих, как трактовал термин Владимир Даль, «ходебщиков, кантюжников, разносчиков с извозом, коробейников, щепетильников, мелочных торгашей вразноску и вразвозку по малым городам, селам, деревням, с книгами, бумагой, шелком, иглами, с сыром и колбасой, с серьгами и колечками» называли именно так. Хотя, как не странно, слово «Афины» знали многие. Русские крестьяне не особенно вдавались в тонкости географии и называли «афинянами» почти всех греков. На Руси их было не так и мало. Еще в XV веке на Русь перебралось значительное число жителей этого древнего средиземноморского государства. Выходцы из колыбели европейской цивилизации в северной стране занимались тем, что умели делать лучше всего – торговлей. Греческие купцы во все времена славились своей оборотистостью и умением «поднять бабло» там, где его никто не замечал. Не будучи привязаны к земле или дому они колесили по стране в своих балаганах, переезжали с ярмарки на ярмарку и попутно торговали по деревням всякой мелочевкой. Было их так много, что простой народ вскоре стал называть всех подобных мелких торговцев сначала «афинями», потом «афенями», и, наконец, «офенями». В XVII веке по специальному царскому указу бродячие люди, а это были почти исключительно офени и скоморохи, были выселены в родовое гнездо князей Шуйских – Шую. Вскоре вокруг города возникло несколько чисто «офеньских» деревень, жители которых в конце лета и весной, когда все крестьяне работали – отдыхали, а когда в других деревнях прекращались полевые работы – выезжали со своими «коробами» на заработки.

Короба были отнюдь не простыми и вовсе не маленькими. Сейчас, когда мы слышим или даже сами за праздничным столом поем песню на слова Николая Некрасова нам представляется разухабистый парнишка с торчащей из-под фуражки белобрысой челкой и с круглым берестяным коробом на перекинутом через шею ремне. Что не совсем верно. Нет, сам офеня вполне мог быть молодым и вихрастым, хотя чаще он был, конечно, солидным и бородатым, но вот короб торговец через шею перекинуть никак не мог. Более того, он в нем фактически сам ездил. Коробом назывался большой кузов, устанавливавшийся на телегу или на сани и украшенный по бортам развеселыми привлекательными картинками. Весил короб около ста килограмм и стоил весьма недешево – от 70 до 120 рублей, в зависимости от красоты росписи.

Ой полным полна моя коробушка,
Есть в ней ситец и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,

Молодецкого плеча!

Работа у офеней была довольно опасной. Одиноким купец, хоть и с минимумом денег, зато груженный ходовым товаром, даже вооруженный мог стать легкой добычей для группы лихих людей. Поэтому торговцы «шифровались». Постепенно у них выработался для внутреннего общения особый язык. Совершенно непонятный окружающим, для мелких торговцев он был почти родным. С его помощью они могли вести бойкие переговоры и сводить планы торговли с коллегами даже в переполненном незнакомым народом придорожном трактире. Но и «лихие» старались не отставать. Постепенно они проникали в смысл незнакомых слов и к середине XIX века многие из них уже довольно шустро «ботали по фене», то есть «говорили на языке офеней».

Но с покупателями «коробейники» общались, разумеется, на доступном языке. Современники вспоминают, что приезжая в деревню офеня даже не стучал в дверь избы, а сразу кричал в окно:

– Иголки, нитки, кольца, книжки!

И его сразу зывали в дом. Офеня был желанным гостем в крестьянской семье. Кроме дешевого и необходимого товара он привозил с собой кучу новостей о российской жизни. За рассказы о том, что происходит в стране, как по чугунным рельсам сама собой ходит железная машина, как баре по железной проволоке передают слова за тыщи верст, как турки пошли войной на германцев, деревенские расплачивались обильным угощением. После чего купец раскрывал свой короб и раскладывал товар. К коробу мигом сбегалась вся деревня и начиналась активная торговля, которая заканчивалась лишь глубокой ночью. В ходу были обычно не деньги, коих у крестьян было в обрез, а меновой товар: сушеные грибы, мед, домашние холсты и так далее.

Изначально большинство нагруженного в короб товара составляла галантерея и бижутерия. Иголки, нитки, колечки, бумага, чернила, серьги бусы, ленты, тесьма, наперстки, пальцы, пуговицы и прочая мелочь. Отдельно шли долгоиграющие продукты: соленья, колбаса, восточные сладости, специи, сыр. И особой группой товара была полиграфическая и литографическая продукция: картинки и дешевые, в 16 страниц, брошюры. Если в начале XIX века последние составляли лишь незначительную часть возимого офенями товара, то к концу их доля доходила почти до половины короба. Знаток жизни офеней В. Н. Маракуев оставил нам примерное описание стандартного книжного набора торговца: «Прежде всего отбираются для короба поминания заздравные и заупокойные, затем идут молитвенники, преимущественно почтаевские, святцы простые и с приложением тропарей⁷ и кондаков⁸, жития святых (их вращается в торговле около сотни книжек); книги, так сказать, духовно-нравственные: «Смерть закоренелого грешника», «Толкование апокалипсиса» «Страшный суд», «Потерянный и возвращенный рай» и проч.; азбуки, прописи, басни, сказки. Кроме всем известного «Еруслана Лазаревича» и «Бовы» в большом ходу «Арабские сказки» и «Конек-Горбунок», русских народных сказок у московских издателей в торговле, к сожалению, нет. Затем идут романы: «Гуак», «Битва русских с кабарднцами», «Параша-сибирячка», «Юрий Милославский». Теперь⁹ очень требуется «Князь Серебряный», истории в форме «Анекдотов Балакирева» о Суворове, о Петре и др. Заканчивается все песенниками, письмовниками, сонниками и «Гаданиями Царя Соломона», которого ежегодно расходится сотни тысяч. И это из года в год».

⁷ Тропарь – молитвенные стихи и песнопения православной церкви в честь какого-либо праздника или святого.

⁸ Кондак – короткое православное песнопение на тему праздника.

⁹ Речь о 1883 году.

В Москву на книжную закупку офени приезжали в середине сентября. То-есть, как раз тогда, когда 15 летний Ванька Сытин поступил в услужение к купцу Шарапову. Поэтому он познакомился с ними уже в первые дни своей работы на книжном поприще. «Я хорошо помню, как вели торг офени, – писал он в воспоминаниях. – В лавку Шарапова приходили толпой мужики и начинали разговоры со старшим приказчиком.

– Здравствуйте, Василии Никитич! Ну как с товаром? По старой ли цене или по новой? Давайте нам книжек и картинок, а мы вам привезли сушеных грибов и холста домотканого.

Торговля в те времена велась и на деньги и меновая. В обмен на картины и книги офени предлагали произведения деревенского труда: несколько тысяч аршин холста (по гривеннику аршин) и сушеных грибов по 30 копеек фунт.

Торг с офениями был очень длителен. Несколько часов шли предварительные разговоры: почем книги, почем картины, в какой цене пойдут грибы и холст, сколько денег потребуется наличными и сколько будет отпущено в кредит.

Когда условия можно было считать окончательно выработанными, приступали к отбору товаров. Это продолжалось иногда не день, а два и даже три дня.

Мужики садились на лавки в ряд у прилавка, и приказчик опрашивал:

– Сколько тебе? Чего тебе?

Перед покупателями раскладывались картины и книги, и начинались веселые шутки и восклицания:

– Святых поменьше, Бовы, Еруслана и Ивана-царевича побольше, песенников помоднее!

– Что ты все нам из году в год одно и то же продаешь! Давно бы тебе пора помоднее товару печатовать. Лет 20 одно и то же таскаем, деревня давно все перечитала. Надоело все одно и то же... И когда, право, ты нам приготовишь товару посмешнее да полишее.

К вечеру первого дня отбора товара покупателей вели к хозяину на квартиру и угощали ужином и водочкой.

– А что бы, Ванюша, нам попариться? Уж больно хороши у вас в Москве бани.

Я был вожатаем офеней, и на моей обязанности было и угощать их и водить в баню.

На другой день после бани производился расчет.

Мерялся холст, взвешивались грибы, уплачивалась (после больших споров) часть денег, записывались в книгу долги, и офени ехали, наконец, торговать».

К следующему их приезду Ванька уже довольно хорошо разбирался в ассортименте шарাপовской лавки и активно помогал торговцам, многие за которых были неграмотными, с выбором продукции. Помогал так толково, что подобранный им ассортимент расходился на ура. Офени оценили толкового парнишку и уже спустя год уговорили купца послать с ними парнишку в качестве сопровождающего крупнооптовую партию литературы и картин в Харьков, где у них было устроено нечто вроде опорной базы. Ехали обозом почти семьсот верст поздней осенью, сквозь дожди и снег, по распутице на огромных троечных санях. Командировки такие пришлись юному Ваньке по вкусу. В каждой деревне, на каждом постоялом дворе путников встречали как самых дорогих гостей, щедро угощали, кормили лошадей, давали лучшие места для ночлега.

В день обоз проходил 60–70 километров, поэтому на весь маршрут, покрываемый сегодня за полдня уходило около полутора недель. До того Ваньке никогда не доводилось бывать в богатых украинских землях. Все для него было удивительно в этой части империи, и чистенькие беленые известью хаты, и удивительное, необычное хлебосольство, и румяные, безбородые, почти лысые мужики, и любвеобильные, нарядные, пышные бабы. Веселые офени хорошо знали все села, через которые проезжал книжный обоз и с удовольствием объясняли пацану, в какой избе чем можно попользоваться. И Ванька старался пользоваться всем по полной программе. Смышленный паренек запоминал все и, вернувшись домой, дал хозяину полный отчет о проделанном пути, умолчав, разве что, лишь о некоторых фактах. Которые, по его

разумению, могли смутить ум ревностного старообрядца. Итоги поездки порадовали купца и с этой поры малороссийские командировки стали для молодого ученика традиционными.

Ярмарки краски Нижегородские командировки

Но главным его делом в шараповской лавке стали подготовка и проведение на должном уровне нижегородской ярмарочной торговли. Поскольку мальчишка хорошо знал ярмарку, хозяин уже в конце первого года работы послал его в помощь своим приказчикам. Однако хваткий паренек довольно быстро вырвался вперед и уже через несколько лет сам возглавил торговлю в Нижнем. Ярмарка длилась полтора месяца, с середины июля и до начала сентября. Первоначально она не приносила особенно большого дохода. Оборот составлял 4–5 тысяч рублей. Но, поскольку оборот всего книжного бизнеса Шарапова не сильно превышал 20 тысяч рублей в год, доход от ярмарки составлял не маленький процент в общей смете. И Шарапов уделял ей немалое внимание.

Подготовка к выезду начиналась еще в самом начале лета. Иван лично руководил сборами. Прекрасно знавший вкусы ярмарочных покупателей, он лично подбирал ассортимент, паковал тюки с книгами, готовил литографии, снаряжал обозы. Сытин все чаще сам становился к литографической машине, печатая для предстоящей торговли тысячные тиражи лубочных картин. Раскрашивать их отвозили на Никольскую улицу, где этим занимались жившие там бабы и детишки.

– Батюшка, – жаловался Сытин хозяину, – отец родной, да что ж это, глядите – на «Схоронении кота» в тысяче листов кота зеленкой выкрасили, а мышей – синькой, лишь хвост и морда – желтком. Кто ж у нас такое купит?

– Что ж делать, Иван, – степенно отвечал ему хозяин, – коль у них краски только такие и есть. Но, ничего, и так пойдет. Главное дело – ярко все получается. Такой листок за версту видно. На стенку повесить – загляденье. А сделай серого кота – так его не увидит никто и не возьмет.

На второй неделе июля Иван грузил телеги товаром, брал с собой несколько помощников и отправлялся в торговый центр империи – Нижний Новгород.

Возможность торговли, то есть, мирного обмена желаемыми продуктами, всегда было одним из показателей высокой тепени организации разумного существа. Охотиться или выкапывать полезные корешки умеют многие животные, муравьи выращивают тлей и доят их, многие птицы собирают и «коллекционируют» разные красивые предметы. Но вот обменивать излишки на то, чего не хватает научился только человек разумный разумный мы с вами. Значит, таковая способность является как раз одним из свидетельств этого самого разума разума. А лучшее место для торговли это, безусловно, ярмарка, – специальная площадь, куда свозятся предлагаемые к продаже товары. Самой древней в истории человечества ярмаркой принято считать торговую площадь древнефиникийского города Тир. Через этот, расположенный на побережье Средиземного моря, город некогда проходили торговые пути из Египта в Месопотамию и далее в Грецию, Рим и прочая. И именно на его торговой площади, египетские и месопотамские предприниматели раскладывали и расхваливали свою продукцию. Здесь же заключались договоры о прямых поставках, покупке технологий, здесь товаропроизводители и простые коммерсанты знакомились, беседовали, обменивались новостями и обсуждали пути возможного сотрудничества. Первое письменное упоминание о таких торгово-выставочных мероприятиях относится к 558 году до нашей эры.

В России начало ярмарочному бизнесу было положено в XIII веке. Тогда крупнейшим для русских купцов торговым центром было расположенное неподалеку от Казани Арское поле, на котором они встречались с иностранными коллегами. Однако в 1524 году татары, видимо не сумев договориться с продавцами о цене, прибегли к силовому методу захвата товара, проще говоря – ограбили наших коммерсантов. Царь Василий Иоаннович решил вос-

пользоваться инцидентом и, запретив купцам ездить в Казань, перенес выгодную торговую площадку на российскую территорию – в пограничный с Казанью город Васильсурск. Однако обстановка в городе была весьма беспокойной, и в 1641 году уже царь Михаил Федорович перенес ярмарку вглубь страны, к расположенной рядом с Нижним Новгородом обители святого Макария.

Предпринимателей того времени сложно назвать просто «купцами». Скорее для них можно подобрать другое имя, происходящее от французского слова «aventure» – «приключение». Авантюристы. Искатели приключений. На свою голову и на свой карман. В древнерусских летописях не особо различаются понятия «купец» и «разбойник». Нормальный разбойник (не беспредельщик) в те далекие времена, когда право сильного было в большом почете, не прочь был поторговать, а сильный купец с хорошей дружиной, при удачном раскладе – пограбить. Но, по возможности, без душегубства. Не случайно еще по Игоровому договору с греками (X век нашей эры) последние вытребовали себе право не пускать русских купцов в свои города до тех пор, пока их «мирная» торговая миссия не будет подтверждена особыми княжескими бумагами. Видимо, пострадались, впуская.

Нелишне вспомнить, что и героический Садко был именно новгородским купцом, и путешественник Афанасий Никитин состоял в купеческом сословии. Последний, если кто не знает, был весьма лихим человеком, и его исторический вояж «за три моря» (Дербеньское, Индейское и Черное) в Индию начинался со сражения с татарами и полной потери груза: «Поехали есмь мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бегайте!». А мы того не слышали ничего, а бежали есмь парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богуне и учили нас стреляти. И у нас застрелили человека, а у них дву татаринов застрелили. И судно наше меньшее стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мелкая рухлядь вся в меньшем судне. А в болшом судне есмь дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели... И тут судно наше болшее пограбили и чetyре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили вести деля». Чем вам не экшен? Натуральный боевик.

Для того, чтобы поднять престиж нового Торгово-Выставочного центра уже царь Алексей Михайлович в 1648 году разрешил купцам пять дней торговать на ярмарке беспопшлинно. Прием сработал и к 1666 году в Новгород съезжались уже не только русские, но и зарубежные негоданты и промышленники. А в 1816 году, после переноса ярмарки на новую, более просторную площадку и родилась знаменитая Нижегородская ярмарка, с которой начинался подъем многих российских купцов XIX века.

Подросток Ванька Сытин фактически перевернул всю структуру ярмарочной шараповской торговли. В отличии от других приказчиков, он не старался всеми силами сбыть «лежалый товар». Хотя возможности для этого были. Торговлю посещали масса неграмотных мужиков, искавших книжку для детей или для грамотного соседа. Такому можно было всучить все, что хочешь, без всякого опасения. Однако молодой Сытин, возможно совершенно неосознанно, избрал для себя другую торговую политику. Он умело подбирал клиенту именно то, что ему было нужно. И тот, оценив работу юного приказчика, через несколько дней вновь возвращался в лавку. В результате, хотя Ванька и не «сбыл» неходовые брошюры и картинки, на что так надеялся Шарапов, зато по ходовым перевыполнил план достаточно существенно. Чем в очередной раз вызвал к себе с его стороны почет и уважение. И еще – прибавку к жалованию.

И опять, как когда-то в детстве, которое было так давно, несколько лет назад, Ванька весь год с нетерпением ждал наступления лета и отъезда в Нижний. Тамошний бизнес он уже считал почти своим и вел его с азартом, стараясь увеличить продажи всеми способами. И прибыли, которые капали от его усилий в хозяйский карман, он воспринимал, как прибыли свои, которыми он пока просто не имеет возможности воспользоваться, но которые непременно сделают

его, сына волостного писаря, сельского паренька Ваньку Сытина счастливым, богатым и очень уважаемым человеком.

Тысяча к Одному Многоуровневый маркетинг по Сытину

Но, как он ни старался, ярмарочный книжный бизнес фантастических доходов по прежнему не приносил. Благодаря своей энергии и привлечению постоянных покупателей Ивану удалось поднять доход в полтора раза, но дальше дело не шло. Он словно уперся в стенку, экономический барьер, порог дохода. Можно было подумать, что дело действительно дошло до своего максимума и дальше подняться просто не может. Так же, как не может человек, живущий в пятиэтажном доме, подняться выше пятого этажа.

– Да ты не межуйся, Иван, – успокаивал любимца Шарапов. – Книжка – не ярмарочный товар. Это ж не меха, не мед, не пенька, не холст. Тут умственность, а ее много не укупают, хоть мало бы донести. Ты ж и так на много торгуешь. Крупные партии крупные купцы покупают, а крупных купцов на книжки ты не найдешь.

– Так можно ж большую партию не одному крупному купцу продать, а сотне мелких, – смело возражал Ванька.

– Можно-то можно, да нельзя. Где ж ты их возьмешь сотню книжных? Мелкие, они к нам в сентябре приезжают, они по ярмаркам не ездят, им это не к чему. Ты, Вань, своим Нижним офенскую торговля все-равно не перебьешь.

В то, что хороший капитал можно поднять на книжках не верил почти никто из Ванькиных знакомых. Даже когда у него уже была своя литография, многие из старых знакомых, чувствуя сытинский предпринимательский потенциал, во время дружеской попойки частенько хлопали его по плечу и на полном серьезе спрашивали:

– Когда ж ты, Ванька, займешься настоящим делом? И как тебе не надоест с таким дерьмом возиться? Всю жизнь человек чужим умом торгует, из всякой головы черпает и продает.

На что Сытин скромно отвечал:

– Кто к чему приставлен, братцы... Вот вы говори те – дерьмо, а сами ко мне в лавку за дерьмом посылаете. Значит – интересно.

Сам Ванька хорошо понимал, что книжный бизнес неминуемо должен в ближайшее время пойти в гору. Грамотных людей в империи становилось все больше, то там, то сям возникали общества и комитеты внедрения грамотности, в самых глухих деревнях строились школы, на заводах прогрессивные капиталисты платили повышенное жалование рабочим, обучавшимся в рабочих школах. Во второй половине 1870-х годов правительство постановило обучать грамоте призванных в армию новобранцев. Кроме того, развитие промышленности влекло за собой лавинообразный рост бумагооборота. Бухгалтериям, архивам, секретариатам и прочим конторам требовались бланки, кассовые и конторские книги, каталоги, прайсы, пустографки, ордера, журналы. Весь этот задел пока еще можно было оседлать, ибо крупных издательских компаний в России просто не было. Их еще предстояло создать.

Но построить дело не имея под ногами фундамента невозможно, Сытин это знал точно. Поэтому он пока копил деньги, подлаживался под хозяина и готовил почву для будущего дела.

Действительно, как и говорил Шарапов, купцов, даже мелких, интересовавшихся книгами на нижегородской ярмарке было мало. Но без них развивать дальше ярмарочную книжную торговлю было просто невозможно. Вот тогда Ванька и понял, что то чего нет он может создать сам. А может и не понял, а сделал именно на каком-то наитии. В результате у него получилось нечто подобное тому, что сейчас мы называем «многоуровневым маркетингом» или «торговой пирамидой». Уже в конце своей жизни Сытин рассказывал, как ему удалось за несколько лет поднять ярмарочную выручку в двадцать раз, с пяти до ста тысяч рублей:

«Вот идет мужик типа некрасовского Власа, в сермяге, крестится на выставленные духовные картины и ужасается вслух на чертей.

– Что, старец, ужас, знать, берет? – говорю ему.

– Да, детко, боязно умирать, если таким вот в лапы попадешь.

– А ты что делаешь? – спрашиваю.

– Я водолив на барже. Дела здесь мало, сидим всю ярмарку на одном месте, отливаем воду из баржи.

– Хочешь, я выучу тебя торговать божественными картинами?

– Ну поучи, милый! Да только как ты выучишь: я неграмотный, до старости дожил – и к торговле не привычен.

– Пойдем в лавку, я подберу тебе картин на полтину серебра, будешь купец: продашь своим водоливам и барыш получишь.

Так мы сговорились начать торговлю с дядей Яковом. Прошла неделя, В следующее воскресенье он весело влетает в лавку, жмет руку.

– Спасибо, молодец, утешил ты меня, старика: ведь я как бы и Богу послужил и себе прибыль сделал. Ребятенки мои все раскупили. Давай теперь на весь рубль.

Так дядя Яков за ярмарку приходил раз пять, все увеличивая покупку, и дошел до 5 рублей. Картины продавал все своим же водоливам на большом караване барок. В конце ярмарки дядя Яков пришел уже с товарищем – Леонтием, николаевским солдатом, человеком грамотным. Друзья решили купить товару на зиму, чтобы торговать в деревне. Яков отобрал на 15 рублей, Леонтий – на 8. Подбор надо было сделать умело, Пришлось изменить и самый характер товара. Все было сделано по дружбе.

А через пять лет дядя Яков и Леонтий обучили торговать картинами и книгами более 100 человек. Торговали по всему Орловскому уезду, Вятской губернии. Торговля шла вразнос и вразвоз. Скоро они стали хорошими покупателями на ярмарке. Кроме того, они убедили торговать картинами и книгами и других торговцев в Вятке, Слободском, Котельвице, Яранске и Кукарке. Дядя Яков пользовался у своих учеников особым почетом и уважением. В ярмарку приезжали уж целой компанией. По обычаю им прежде всего предлагалось угощение. Купцы рассаживались за огромным столом, начинался пир. В разгар веселой беседы дядя Яков кричал:

– Иван Дмитриевич, понимаешь ли ты, кто теперь дядюшка Яков? Угадай! Ребятенки, – обращался он к остальным, – кто у вас дядя Яков?

И весь хор в несколько десятков голосов кричал:

– Дядюшка Яков – барин.

– Иван Дмитриевич, вот кто твой дядюшка Яков: барин».

И дядюшка Яков – далеко не единственный агент, подготовленный молодым приказчиком Сытиным. Конечно, точных данных у нас нет, но считается, что за время своего нижегородского книжного наместничества, которое продолжалось более десятилетия, Сытин обзавелся сетью из примерно 6 тысяч агентов. Несколько сотен из них общались напрямую с Иваном. Закупались они сразу на несколько человек, обычно – соседей по селу. Конечно, заказы были не такими крупными, как у настоящих офеней, но их множество покрывало все с лихвой. Сытинская сеть покрывала почти всю центральноевропейскую часть России. Для многих постоянных клиентов Сытин заранее готовил торговый комплект, примерно зная, что ему понадобится. Слухи о человеке, обучающем и помогающем в не пыльном способе заработка быстро распространились среди местной бедноты. К Сытину приходили люди, никогда раньше не бравшие в руки книжек, почти или совершенно неграмотные, и для каждого он подбирал легко продаваемый комплект. В основу ложились картинки, для торговли которыми не требовалось знание азбуки ни покупателем, ни продавцом. Далее шли картонные образа наиболее популярных в требуемой местности святых, обязательные бестселлеры про Бову и Ерусалана и дешевые, по 2–3 копейки 16-страничные брошюры с обязательной красивой картинкой на обложке. Название было обязательно коротким и страшным: «Ужасный колдун», «Мерт-

вещ», «Жуткая ночь», «Кровавый перстень», а 16-страничный объем диктовался чисто техническими условиями. Типографские машины делали оттиск на большом листе, который потом разрезался напополам по вертикали и горизонтали. Полученные полоски пол центра, сгибались и получалась самая дешевая в производстве книжка в 16 страниц. Еще одним важным условием было отсутствие на книжке указаний о цене. Это позволяло торговцу назначать ее исходя из платежеспособности покупателя и из текущих обстоятельств. Из-за того, что делалась она из одного листа сами издатели и торговцы между собой называли такие брошюры «листовками». Даже для начинающих торговцев Сытин уже делал довольно существенную скидку, размер которой вполне мог доходить до 30 процентов от стоимости комплекта. Часть товара почти всегда давалась в кредит. Пока Сытин собирал комплект перспективного агента поили чаем.

Результатом стало то, что за десять лет доходы от ярмарочного бизнеса выросли в 20 раз и достигли 100 тысяч рублей за полтора месяца. Постепенно Иван стал у Шарапова отвечать не только за Нижегородскую, но и за все прочие ярмарочные книжные торги. И на каждой ярмарке он неизменно строил свою книготорговую сеть. Сытинская книжная пирамида дала возможность многим вчерашним крестьянам стать состоятельными торговцами. А кому-то даже открыла дорогу к по-настоящему значительным капиталам. Об одном из них Сытин вспоминал с особенным удовольствием: «В маленькую лавочку на ярмарке в селе Холуе Владимирской губернии пришел как-то ко мне деревенский оборвыш.

– Что тебе?

– Да товарцу бы.

– Кто ты?

– Я сирота, подпасок. Три года пас скотину. Вот скопил 5 рублей. Ребята наши торгуют книжками и картинами. Вот и я хочу попробовать... Поучи, сделай милость. Дай товарцу на 4 рубля, а рублик оставлю на харчи. Да поверь рублика на 3, с легкой руки, Христа ради. Уплачу, будь покоен.

– Грамоте знаешь?

– Нет, неграмотный.

Он стал вынимать деньги (они висели у него на кресте), распахнул сермягу – весь голый: вместо рубашки ключья висят.

Вот какой кредитоспособный купец!» Дружбу с начинающим «купцом» Иван Дмитриевич пронес через всю жизнь. Звали оборвыша Федькой. Это на первых порах. Уже через несколько лет его называли уважительно Федором Яковлевичем, чуть позже к имени-отчеству добавилось вежливое обращение «Ваше степенство», применявшееся по отношению к купцам. В 1888 году купца второй гильдии Федора Яковлевича Рощина избрали гласным городской думы города Яранска¹⁰. А в 1911 году в яранскую городскую управу пришло распоряжение: «... государь император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел в 20-й день ноября 1911 года всемилостивейше соизволил на присвоение яранскому купцу II-й гильдии Федору Яковлевичу Рощину звания почетного гражданина города Яранска». К тому времени бывший подпасок обладал уже полумиллионным состоянием. За труды он был награжден пятью правительственными медалями и орденом святой Анны. На его деньги недалеко от деревни Куженер¹¹ был отстроен Куженерско-Николаевский женский монастырь. Похоронили его на кладбище при обители, а одна из улиц Куженера до сих пор носит его имя.

¹⁰ Яранск – город в России, административный центр Яранского района Кировской области.

¹¹ Куженер – сейчас – посёлок городского типа, административный центр Куженерского района Республики Марий Эл России.

Выпускные Женитьба, своя литография

Деловые успехи юного приказчика привели к тому, что уже к началу 1870-х годов Шарапов поднял его жалование до 25 рублей в месяц. Это уже само по себе было больше, чем зарабатывал его отец, так еще он был практически освобожден от каких бы то ни было накладных расходов. Жил Иван в доме хозяина, в антресоли. Только не подумайте, что он лежа обитал в крохотном ящике под потолком, в России еще в начале прошлого века антресолями называлось вполне полноценное помещение в самой верхней части здания, практически под крышей, с очень-очень низким потолком. В антресоли мужчина среднего роста, став на цыпочки вполне мог достать макушкой потолка. Однако, для проживания она вполне подходила и считалась даже лучшим помещением, чем полуподвальные коморки дворника и прочей прислуги. Столовался Ванька также вместе с хозяином, так что на продукты ему тоже тратиться не приходилось. Шарапов дарил Ивану и кафтаны, и рубахи, и штаны и даже шубы со своего купеческого плеча. Если Ваньке надо было купить себе какую-нибудь мелочь или он просто шел с друзьями посидеть в трактире ему дозволялось брать без возврата и отчета небольшие суммы денег из кассы.

Вместе с хозяином Ванька вполне регулярно посещал богослужения в Успенском соборе Кремля, а трижды в неделю приходил сюда и раньше Шарапова, для того, чтобы перед утренней в соборной избе послушать молодого но уж очень речистого и занимательного юриста Федора Плевако¹². Даже в старости вспоминал он сказанные здесь Федором Никифоровичем замечательные слова: «Самые счастливые минуты в жизни мы проводили здесь, в этом великом святом и древнем соборе... Переживайте это, и все остальное покажется вам суетой сует». Иногда, уже после службы, он, интеллектуал и почти аристократ, соглашался посидеть с Ванькой в трактире, выпить пару чая и рассказать что-то интересное. Ванька таким отношением к себе очень гордился и дорожил.

С годами Ванька и действительно стал настоящим членом шараповской семьи. Он строго подчинялся всем внутридомовым распорядкам, хозяин же волновался за него, как за родного сына. Сытин, рассказывая о жизни у Шарапова, часто вспоминал, как однажды, после воскресных посиделок с манухинскими приказчиками, он пришел домой в одиннадцатом часу вечера. В доме Шарапова был заведен строгий порядок: в 21–00 – ужин, 22–00 – отбой. Поэтому, возвращаясь, Иван был уверен, что Петр Николаевич вместе со всеми домашними уже спит и ему надо будет только как можно тише пробраться восвояси. Однако ворота ему открыл не кто-нибудь из работников, а сам Шарапов. Он был полностью одет, с фонарем в руке. На лице его самыми яркими красками была написана тревога за куда-то запропастившегося мальчишку, которая и не позволяла ему спокойно отойти ко сну. Осветив Ванькино лицо, он не стал ругаться, а только укоризненно покачал головой:

– Ты где это пропадал до полуночи? Как тебе не стыдно тревожить меня, старика? Где твоя совесть?

Совесть в это время вовсе уедала молодого работника. Она только и позволила Ваньке, низко опустив голову, пристыжено пробурчать:

– Простите, Христа ради, Петр Николаевич... Этого больше никогда не повторится.

И правда, подобное больше не повторялось. Хотя держать слово молодому Ивану было отнюдь не легко. И не только в силу возраста и всяческих соблазнов, но и по службе. Одной из важных обязанностей у молодого приказчика было представительское сопровождение опто-

¹² **Фёдор Никифорович Плевако** (25 апреля 1842, Троицк – 5 января 1909, Москва – русский адвокат, юрист, судебный оратор, действительный статский советник.

вых шараповских покупателей. Тех же офеней именно Ванька кормил и поил в трактирах и обязательно водил в баню, что было равносильно банкету по поводу удачного окончания сделки.

Но если в Москве Шарапов мог хорошо следить за своим любимцем и за его моральным обликом, то во время ярмарочных командировок этот контроль почти полностью утрачивался. И это сильно тревожило старого купца. Он прекрасно знал, что любую более или менее значимую сделку там принято «обмывать». И такие «обмывания» порой выливались в объемную попойку, не участвовать в которой Ванька просто не мог, дабы не обидеть клиента.

Сытину исполнилось 24 года, когда Шарапов всерьез обеспокоился о том, чтобы молодец остепенился. Скорее всего, купец думал над этим вопросом уже давно, но первым вслух высказал мысль о том, что Сытину пора уже жениться высказал не он, и даже не сам Иван, а переплетчик маленькой шараповской типографии Гаврила Иванович Горячев. Как то и было положено, с мыслью этой он обратился сначала не к самому перспективному жениху, а к его хозяину и почти родителю. Вот как рассказывал об этом сам Сытин:

«... наш переплетчик Гаврила Иванович Горячев, работавший для Шарапова, задумал меня сосватать и, как водится, обратился с этой мыслью прежде всего к моему хозяину.

– Петр Николаевич, Ванюшу вашего женить бы пора. Парень он молодой, как бы чего худого не вышло...

– А что ж, это ты, парень, дело говоришь.

– Да как же, в молодых годах мало ли что бывает: сегодня вожжа под хвост попадет, завтра попадет – что хорошего?

Хозяин мой очень хорошо знал, как велики были соблазны Нижегородской ярмарки, где разгул был почти обязателен для торгового человека, так как покупатели (в особенности сибиряки) требовали, чтобы каждая сделка была вспрыснута. И это соображение окончательно склонило его к мысли, что меня надо женить.

Со мной переплетчик Гаврила Иванович заговорил о моей женитьбе только после того, как договорился с хозяином.

– Что ж, Ваня, пора, брат, тебе и жениться... Будет болтаться холостяком.

– Да тебе какая забота?

– А я тебе невесту сосватаю... Очень подходящая девушка есть на примете...

– Ну сосватай...

Так полушутя, полусерьезно подошел я к решению этого важнейшего жизненного вопроса.

В виде особой ко мне милости хозяин мой согласился поехать на смотрины невесты вместе со мной. Но так как он боялся разговоров, то из скромности сделал это тайно.

– Ты иди вперед и подожди меня на Таганке, а я вслед за тобой на извозчике приеду.

На Таганке мы встретились и пошли пешком уже вместе... К нам присоединился и сват Горячев».

Предполагаемой невесте, Евдокии, тогда едва исполнилось 16 лет. Отец ее, Иван Ларионович Соколов, был вдовцом и занимался тем, что готовил торты и другие кондитерские изделия для свадеб и званых вечеров. До сватовства Иван видел Евдокию только раз, на свадьбе у того же Горячева два года назад. Но тогда у него и в мыслях не было, что с этой, тогда еще совсем девочкой, он проживет бок о бок долгие годы.

Сватовство прошло как-то несколько скомканно. Поскольку девушка как раз вошла в пору «на выданья», была хороша собой, а родитель ее был не беден, давал за дочь хорошее приданое и об этом знали все свахи в округе, женихов здесь ожидали всегда. Но о прибытии Сытина и Шарапова Соколовых никто заранее не предупредил, поэтому стол к их приходу накрыть не успели. Пришлось довольствоваться чаем с баранками.

Евдокия была красива, молода и до одури свежа. Она практически бесшумно летала по зале, ловя на себе полускрытый оценивающий взгляд жениха. Между тем, разговор за сто-

лом особо не клеился. И отец невесты, и Шарапов почти всю дорогу молчали, говорил лишь сват Горячев. Что он говорил именно Иван слушал плохо, его внимание было почти целиком отдано девушке. Набравшись наглости он, наконец, задал ей первый свой вопрос:

– Насколько весело, Евдокия Ивановна, проводите время?

И невеста ответила как раз так, как следовало умной и целомудренной девушке:

– Какое же у нас веселье? Мы для чужого веселья работаем: для свадеб, балов. А наше удовольствие тогда, когда в церковь пойдешь или в театр с папашей съездим...

В ответе была сконцентрирована вся необходимая информация. Девушка говорила, что не расположена к веселым гулянкам, что она умеет содержать дом, будет помогать мужу в работе, что она уважает родителей, а значит будет уважать и мужа. Что она глубоко верует, а значит будет верна в браке. И, наконец, что она совсем не чужда культуре и с ней не стыдно будет предстать перед друзьями и знакомыми. Такой ответ молодого жениха вполне устраивал и он мысленно поставил девушке жирный плюстик.

Из хоть и вялого, но разговора, было понятно, что старый кондитер ничего против Ивановой кандидатуры не имеет и отдает окончательное решение на усмотрение дочери. Которой, конечно, следует еще подумать, ибо Сытин – не единственный жених в округе. Посидев еще немного и договорившись встретиться еще чуть погодя, сваты откланялись. Только когда они вышли из дома Соколовых, Шарапов неожиданно разговорился:

– Что же, невеста ничего... Жена будет хорошая. Но папаша – как есть солдафон...

Подумав несколько дней, Евдокия согласилась прийти на свидание с Сытиным, которое молодой жених назначил в Нескучном саду. Тут они окончательно объяснились и решили что вдвоем вполне могут составить счастливую семейную пару. Дело было весной и Иван хотел решить все до обязательной летней командировки в Нижний. Поэтому, со свадьбой решили не затягивать и сыграть ее через две недели.

Уже вскоре в дружественной типографии была отпечатана партия красивых приглашений, на которых значилось:

«Иван Дмитриевич
СЫТИН
в честь бракосочетания своего
с девицею
Авдотьей Ивановной
СОКОЛОВОЙ
покорнейше просит Вас пожаловать на бал и вечерний стол сего 28 Мая
1876 года в 6 часов пополудни.
Венчание имеет быть в Церкви Всех Святых, что на Варварской
площади¹³ и далее на Таганке ... в доме Соколова»

Свадьба прошла на высоком уровне. Гостей было много, стол родители молодоженов накрыли богатый. Для бала был приглашен средних размеров оркестр. В общем, все было совсем не хуже, а в чем-то и лучше, чем у других московских купцов. В приданное за дочерью кондитер дал 4 тысяч рублей, что равнялось дюжине годовых окладов Ивана. Сумма была выдана не наличными, а процентными бумагами. Осмотрев их, Шарапов, вообще настороженно относившийся к векселям, акциям, облигациям и прочим финансовым инструментам, неодобрительно покачал головой:

– Ах, солдафон! И тут триста рублей нажил! За эти бумаги четырех тысяч не дадут.

Молодых поселили на тех же шараповских антресолях, выделив им там две комнаты.

¹³ Больше известна как Церковь Всех Святых на Кулишках. Варварской до 1924 года называлась Славянская площадь.

Евдокия Ивановна Сытина

Конечно, с одной стороны это было удобно. Жить, не платя аренды, на всем готовом, всего в двух этажах от места работы. Но с другой... Не зря говорят, что две хозяйки на одной кухне не уживаются. Так вот, молодую Евдокию Сытину на кухню вообще не допускали. В доме Шарапова воистину царствовала его экономка и домоправительница Степанида. Именно она решала, что будет подано сегодня к столу, какие во всем доме будут развешены занавески и в каких местах расставлены стулья. Слово Степаниды для всех домочадцев было равносильно закону, для Ивана Сытина это было привычно и понятно. Но вот его привыкшая к самостоятельности 16-летняя жена явно желала в своих комнатах создавать уют по своему собственному усмотрению и понятию. Чем навлекала на себя неизменный гнев Степаниды. Даже робкие попытки переставить мебель и те вызвали гневную реакцию экономки с неизбежным последующим восстановлением старого положения.

Сначала Иван не замечал этих боевых действий, потом – делал вид, что не замечает, благо он был серьезно занят подготовкой к ярмарке, а Евдокия мужу не жаловалась, понимая, что у него и без того забот много. Только по вечерам он утешал молодую жену, надеясь, что все как-то обойдется, превосходящая сила Степаниды смирится над слабой девушкой и выделит для нее территорию для самоуправления. Однако время шло, а чуда не происходило.

15 июля молодой супруг, как и было положено, отбыл в Нижний Новгород. А уже 1 августа к нему приехала жена. Оказалось, что Степанида совсем задавила девушку. Лишившись единственной своей надежды и опоры, пусть даже и призрачной, какой был собственный муж, она не выдержала и практически сбежала в Нижний, сказав хозяину, что соскучилась по Ванюше. Тут она впервые пожаловалась мужу в открытую:

– Друг мой, я не хочу тебя огорчать, но мне трудно, очень трудно будет ужиться в чужой семье. Ты что-нибудь придумай. Там надо быть рабой, покорной, бессловесной исполнительницей всех прихотей Степанидушки... Я не могу, мне тяжело... Да и они со старичком тягнутся нами и, слышно, хотят разойтись...

Сытину было безусловно жаль супругу. И он сказал совершенно искренно:

– Ты не сокрушайся. Я все вижу и все знаю сам. Потерпи, пока ярмарка кончится. А там, Бог даст, я устрою для нас другую жизнь, самостоятельную. Будь покойна, все образуется и все хорошо будет.

Вскоре в Нижний с инспекцией должен был приехать сам Шарапов. Сытин готовился к визиту хозяина с повышенной ответственностью, ибо возлагал на него особенные надежды. Усиленно подстегиваемая им торговля шла настолько успешно, что приехавший купец, глядя на сумму сделанной выручки только и смог сказать:

– Слава Богу, слава Богу. Поначалу все хорошо, а что конец скажет?

Слова эти вполне вписывались в план Сытина и он ответил уже заготовленной фразой:

– Бог даст, и конец сведем, Петр Николаевич...

– Ты-то, пожалуй, сведешь, книга у тебя бойко идет, а вот с мехами у меня никак не наладится, денег мало платят, Ну, пойдем, что ли, обедать вместе, угостить тебя хочу за труды твои... Да жену зови... Пойдем, кутнем немножко...

Время для решающих слов, которые должны были перевернуть всю жизнь Ивана и направить ее по новому пути, подходило самое наилучшее. Вообще, это был один из талантов Ивана – чувствовать момент, когда именно можно сказать решающее слово. И на этот раз он воспользовался этим талантом самым наилучшим образом. После того, как купец несколько принял «на грудь», Иван начал:

– Давно, Петр Николаевич, хоте я просить вашего позволения, чтобы мне после ярмарки литографию открыть и машину Алозье из Франции выписать...

Купец явно не ожидал такой просьбы. Ивана он воспринимал как первого своего помощника, фактически – зама, и безусловного наследника его, шараповского, книжного бизнеса. А тут оказалось, что этот наследник, как библейский блудный сын, желает отделиться от своего «отца» еще при его жизни. Однако заготовленные Сытиным аргументы выглядели вполне разумно. Он прямо заявил хозяину, что, конечно, получаемые им в год 330 рублей сумма не малая, но для семьи, тем более, если учесть возможных и желаемых детей, не такая и большая. По подсчетам Ивана, для нормальной жизни ему теперь нужно никак не меньше 1000 рублей. Но он вовсе не желает обижать своего благодетеля, которому и так всем обязан, просьбами о повышении жалования. Совсем даже напротив: заведя собственную литографию, он сможет не только получить недостающие 700 рублей, но еще и хозяину пользу доставит. Бизнес-план нового предприятия у Ивана давно уже сидел в голове и он быстро изложил его старику:

– Вы подумайте, Петр Николаевич: машину, камни, станки и все принадлежности мне дадут, я уже говорил с Флором. Вся смета – семь тысяч рублей, Четыре тысячи приданных денег у меня есть, а на три тысячи мне дадут кредит на 6 месяцев. Только просят ваш бланк на векселе. Вот я и надумал: чтобы быть вам спокойным и обеспеченным сполна, я все сделаю на ваше имя: литография будет ваша, а вы меня не обидите.

Речь юноши выглядела настолько складно, доводы были так убедительны, а цифры и суммы так аккуратно просчитаны, что обычно тяжелый на всякие новшества купец на этот раз быстро дал жданное «добро»:

– Ладно, ты парень удачливый и оборотистый, может быть, и дело выйдет...

Так, в трактире на Нижегородской ярмарке в августе 1876 года было положено начало целой медиаимперии. Именно отсюда крестьянин Иван Дмитриевич Сытин, недоучившийся сын волостного писаря, начал свое стремительное восхождения к неофициальному званию «книжного короля». И с полной уверенностью можно сказать, что если бы не этот исторический разговор, если бы не шараповское «ладно» Россия, а с ней – может и весь мир, – выглядели бы сегодня совершенно иначе.

Часть вторая

Стартап

Выход на рынок, ставка на технику, первая команда

Хотя, конечно, первоначально Иван Сытин вовсе не ставил перед собой глобальной задачи переделки страны и мира. Если человек идет по правильному пути, его цели обычно растут и меняются по мере продвижения вперед. Поэтому пока Иван желал одного: еще красивее сделать то, что он и так умел уже делать красиво. «До 13 лет я жил в мальчиках, 7 лет затем вел живое торговое дело, которое, кроме практических торговых навыков и физической работы, ничего не давало. Сознание важности книжного дела, его великое значение было развито очень слабо» – так оценивал свою деятельность той поры потом сам Сытин. Позже он заведет дружбу с величайшими российскими писателями, сведет знакомство с правителями, в удивительной бескровной схватке одолеет всех конкурентов, станет сначала первым из первых, а потом – и первым из последних. Что-то произойдет через год, что-то – через десятилетие, что-то – через десятилетия. Пока же Ивану надо было справиться с напряженной конкуренцией на московском печатном рынке.

Сделать это было непросто: рынок был давно и надежно поделен. В области бульварной литературы на Никольском рынке самыми известными были фамилии Леухина, Манухина, Ступина, Преснова. Они не занимались чем-то серьезным, а штамповали сотнями тысяч экземпляров любовные и «ужасные» романы и повести. В высшем свете их имена считались признаком пошлости, безвкусицы и низкопробщины, однако книги этой когорты были столь дешевы, а сюжеты – столь близки и доступны душе простого обывателя, что народ покупал их с огромной охотой. Но для начинающего Сытина основными соперниками были пока даже не они. Со своей «почти любительской литографией» он не мог замахнуться даже на бульварную, или, как тогда ее называли – «мещанскую» книгу. Его уделом пока были лубки, картинки и бумажные образы. Поэтому для него главными конкурентами были располагавшиеся неподалеку от лавки Шарапова, на той же Ильинке крестьянские издатели, крупнейшими из которых были Губанов, отец и сын Морозовы, Андрей Абрамов. Каждый из этих «столпов» располагал несколькими машинами, денно и нощно печатавшими сотни тысяч лубков, и целым штатом раскрасщиков. Со своими мощностями и высокими оборотами они имели возможность держать цены на свою продукцию на весьма низком уровне. Сытин пока не мог себе такого позволить. И он решил, что и среди небогатых покупателей обязательно найдется часть таких, кто способен купить карт инку чуть подороже, если она будет исполнена значительно лучше.

И тут у Ивана Дмитриевича был очевидный козырь. Дело в том, что все ильинские печатники имели в своем распоряжении довольно старые машины и менять их пока не собирались. У них просто не было в этом сиюминутной нужды. Новые литографические станки стоили довольно дорого, а основным их достоинством было то, что они уже сами умели печатать цветные картинки, работая вместе с черной еще тремя красками. Для каждой краски изготавливался свой специальный камень, на который рисовальщики с помощью особого литографического карандаша или литографического пера с тушью наносили контуры полутоновых картин. Поверхность камня проходила специальную обработку, не дававшую туши растекаться. Все эти цветные камни подгонялись друг под друга самым тщательнейшим образом, бумага прокатывалась по каждому из них и, в результате, на выходе получалась цветная картинка, качество которой значительно превосходило качество того, что выходило из-под кистей никольских раскрасщиц. С такой машиной их труд был совсем не нужен, а значит и затраты на производство

лубка можно было свести до минимума, но новая машина стоила в разы дороже старой, традиционной черно-белой, и такая разница в цене окупалась довольно долго. Стояли такие машины лишь у крупных печатников, таких, как Суворин¹⁴, Маркс¹⁵ или Гоппе¹⁶, но эти деятели печати, на счастье Сытина, лубками не занимались. Следовательно, конкуренции с их стороны можно было не опасаться.

Именно поэтому начинающий издатель выписал для своей первой еще даже не типографии, а именно литографии, рассчитанной на печать картинок, далеко не дешевую, зато самую передовую французскую литографическую машину компании Алоэзе. Эта компания была тогда не просто лидером в области литографических машин, это был именно пионер этого способа печати. Ее основатель, немец Иоганн Алоиз Зенефельдер был сыном популярного в Мюнхене¹⁷ театрального актера и даже сам несколько лет своей жизни отдал сцене. Но актерское ремесло тогда, в конце XVIII века вовсе не было так популярно, как сейчас. Скорее наоборот. Вскоре Алоиз понял, что отдаваемое им театру время ничего особенного взамен не дает. Поэтому, поднакопив денег, он перешел в более перспективную и популярную тогда сферу и открыл в Богемии¹⁸ собственную типографию. Пытаясь улучшить производственный процесс, он в 1796 году изобрел новый способ печати, который и назвал «литографией» – от греческих слов «литос» – «камень» и «графо» – «рисую». Буквально – рисовать камнем. Чувствуя перспективность своего детища он, стараясь не привлекать к себе особенного внимания, запатентовал новую технологию в главных европейских городах и лишь после этого попытался наладить широкомасштабный выпуск литографий. Однако, к его большому удивлению, фурора его литография на печатном рынке не произвела, массовых заказов он не получил, а печатники не выстроились в очередь с просьбами продать им литографическую машину. Помыкавшись несколько лет, но так и не получив ожидаемых баснословных прибылей он сначала приспособил свое изобретение для печати нот, а затем и вовсе перешел на машинную раскраску ситцевых тканей. На его счастье, новый способ печати показался интересным членам мюнхенской королевской комиссии составления карт. В 1809 году он был приглашен к мюнхенскому двору, где ему поручили организовать литографическую мастерскую. Поддержанное королевским именем и солидными инвестициями дело пошло значительно удачнее и уже вскоре Алоиз получил титул королевского инспектора литографии и пожизненное жалование. В 1826 году он значительно улучшил свое детище, разработав процесс мозаического литографирования, а еще спустя семь лет догадался, как переносить с камня на полотно картины, нарисованные масляными красками.

Словом, машины Алоиза, или, как говорили в России Алоэзе, всегда находились на самых передовых рубежах печатной техники. К 1870-м годам в списке предлагаемых к продаже моделей были даже машины с паровым приводом, однако это уже было слишком дорого. Иван Сытин выписал себе модель попроще, приводимую в движение простым рабочим колесом с рычагом.

¹⁴ **Алексей Сергеевич Суворин** (1834, село Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии – 1912, Санкт-Петербург) – российский журналист, издатель, театральный критик и драматург.

¹⁵ **Адольф Фёдорович Маркс** (2 февраля 1838, Штеттин – 22 октября (4 ноября) 1904, Санкт-Петербург) – русский книгоиздатель. В 1859 переехал в Россию. Основатель издательства (1869), позднее – акционерного общества «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркс». Издатель иллюстрированного журнала для семейного чтения «Нива» (1870–1918).

¹⁶ **Гоппе Герман Дмитриевич** – (24.5 (5.6) 1836, Хамм (Гамм), Вестфалия – 15 (27). 4. 1885, Санкт-Петербург) – известный русский издатель и типограф. Основатель крупной издательской фирмы – «Книгоиздательство Германъ Гоппе» (1867–1914) в Петербурге. Одним из первых стал издавать печатное издание нового типа – иллюстрированный еженедельный журнал для семейного чтения «Всемирная иллюстрация» (1869–1898).

¹⁷ **Мюнхен** – город на реке Изар на юге Германии, в федеральной земле Бавария. Свободный город, одновременно являющийся столицей Баварии и административного округа Верхняя Бавария.

¹⁸ **Богемия** – историческая область в Центральной Европе, на которой образовалось современное государство Чехия.

Вообще, складывается стойкое впечатление, что подготовку к своему отделению от Шарапова Сытин начал задолго до последней нижегородской командировки. И не только в теоретическом, но и в практическом плане. Во всяком случае, даже по воспоминаниям видно, что он уже успел переговорить не только с поставщиками техники, но и с банкирами. Видимо и помещение для мастерской Иван Дмитриевич присмотрел заранее, ибо сразу по возвращении в Москву переехал с женой на новую квартиру. Располагалась она в доме Кравцова на Воронухиной горе, недалеко от Дорогомиловского моста. Тут же рядом, в трех отдельных комнатах 7 декабря 1876 года открылась первая сытинская литография с одной машиной и двумя наемными рабочими. Оформлена она была, как и предполагалось, на вложившего в дело недостававшие 3 тысяч рублей Шарапова. Для работы с машиной требовалось минимум три человека, один закладывал в нее листы бумаги, второй опускал тигель, массивную железную плиту прижимавшую лист к камню, а третий вытаскивал свежееотпечатанные листы и складывал их в кипы. Поэтому третьим рабочим попервоначально был сам новоявленный издатель.

Первой продукцией литографии были три лубка, доски для которых Иван подготовил загодя. Сюжеты были самыми, что ни на есть, ходовыми, в меру «желтыми» и качественно выполненными. На первом изображено было, как «Петр Первый за учителей своих заздравный кубок поднимает», на втором – как «Суворов играет в бабки с деревенскими ребятишками». И, наконец, для религиозных покупателей, желавших знать истоки русской церкви, «Как наши предки славяне крестились в Днепре и свергали идола Перуна». После того, как доски эти выработали свой ресурс, Сытин не стал их утилизировать, а отнес домой, где хранил как реликвии и часто показывал гостям и детям. Заявляя, что именно с них пошла огромная фирма.

Можно смело сказать, что молодой Иван не жалел себя для новой работы. Михаил Соловьев, поступивший на работу к Сытину в 1877 году и дослужившийся до поста директора правления компании, в 1916 году писал: «Вставал Сытин рано, разрезал картины, завязывал их в пачки и увозил в город в лавку. Каждую свободную минуту он посещал литографию, обходил мастеров, смотрел, что сделано, указывал, что и как нужно делать». Под лавкой подразумевается лавка Шарапова. Это был небольшой плюс сытинского дела по отношению к другим печатникам: у него уже с самого начала был покупатель, он же – крупный заказчик, купец Петр Николаевич Шарапов. По договоренности он отдавал своему благодетелю продукцию с десятипроцентной скидкой. Кроме того, как и было условлено, Иван Дмитриевич не прекращал работу у Шарапова в качестве приказчика книжной лавки. Днем он работал в лавке, а вечером и утром – в литографии. Конечно, из скольких бы жил ни состоял организм молодого предпринимателя, такого режима он долго вынести бы не смог, и уже спустя полгода после открытия штат литографии был увеличен с двух до пяти человек. В числе новых работников был и тот самый Михаил Соловьев, о котором мы уже немножко сказали. Сын крестьянина из деревни Шульгино Синьковской волости Дмитровского уезда Московской губернии он был принят на должность ученика рисовальщика по камню.

Как то было и у Шарапова, Сытин старался не особенно отделяться от своих рабочих, сбивая их в одну большую семью. В которой он исполнял бы роль старшего. «... мы, мастера, имея тут же стол и квартиру, постоянно встречались с семьей Ивана Дмитриевича, – вспоминал Соловьев, – и чувствовали себя как бы членами ее благодаря доброму и заботливому отношению к нам супруги Ивана Дмитриевича Евдокии Ивановны. После занятий, по вечерам, иногда Сытин приглашал нас, мастеров, к себе, и за чайком обсуждались наши текущие и будущие дела.... По вечерам, в общей беседе Иван Дмитриевич нередко посвящал нас в торговые дела, сообщал нам, что картины наши идут хорошо, покупателям нравятся, сокрушался, что мало разнообразия, но с одной машиной трудно было что-либо сделать большее».

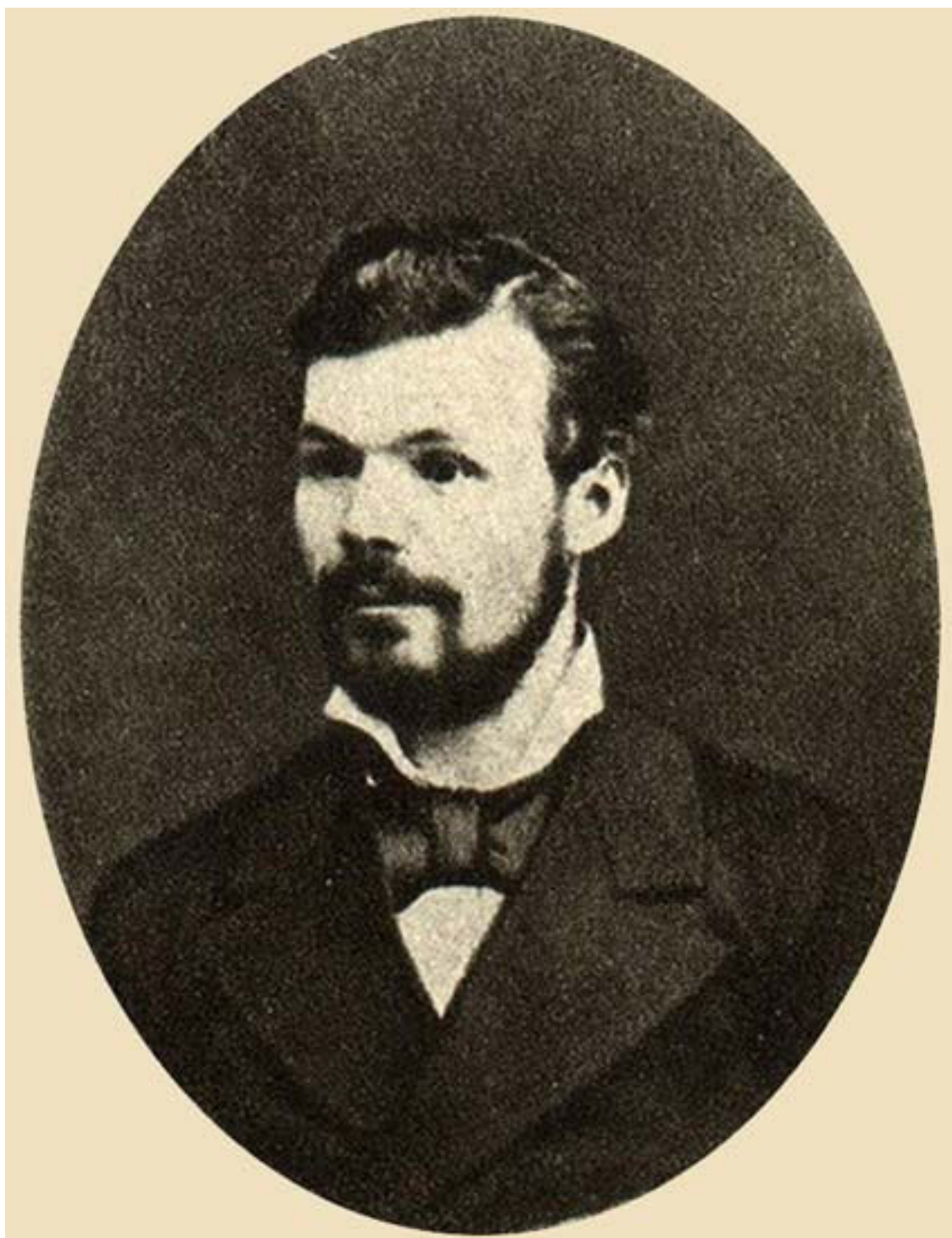
Разнообразие, и правда, было мало. Весь ассортимент сытинского производства первоначально состоял из нескольких популярных лубочных картинок, вариаций на темы пушкинской «Полтавы», анекдотов из жизни Александра Суворова и аллегорий на военные темы. Ничего

нового, все то-же, что и у других печатников. Только что качеством получше. Но убедить книжников-оптовиков в том, что качество лучше, чем дешевизна было не так просто. Поэтому до поры мастерская Сытина особенной известностью или популярностью не пользовалась.

Счастливые карты Первые удачи и расширение ассортимента, сколачивание коалиции

В апреле 1876 года в Болгарии, находившейся под властью Османской империи, вспыхнуло национально-освободительное восстание. Спустя месяц оно было с невиданной жестокостью подавлено турецкими войсками. Еще до окончания восстания русский консул в Эдрине Алексей Церетели¹⁹ докладывал российскому правительству, что турки полностью уничтожили огромное количество деревень и сел, в которых проживало более 75 тысяч человек. Точное количество погибших неизвестно, так как турецкое правительство не очень приветствовало подобные подсчеты, но, по данным историков, их было никак не меньше 30 тысяч человек. Российская империя, покровительствовавшая угнетенным православным народам, не могла пройти мимо такого преступления и потребовала от Турции ответа. Которого не последовало. В апреле следующего, 1877 года, Российская империя объявила Турции войну, захватила Шипкинский перевал, после двухмесячной осады взяла Плевну, и вышла на Константинополь.

¹⁹ **Алексей Николаевич Церетелев (Церетели)** (Алекси Николозис дзе Церетели, 1848, Грузия – 16 мая 1883, Россия) наследственный грузинский князь, русский дипломат, участник в Русско-турецкой войны (1877–1878).

Иван Дмитриевич Сытин, 1878 год

Счастливая мысль родилась в голове Сытина в ту же минуту, когда он узнал об объявлении войны. Не мешкая, он сразу бросился на Кузнецкий мост, где купил карту Бессарабии²⁰ и Румынии, на которой была обозначена река Прут. Именно ее форсировали русские войска

²⁰ **Бессарабия** – историческая область между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии. Название (рум. *Țara lui Basarab* – «Земля Басараба») происходит от имени валашского воеводы Басараба I Великого (1289–1352, правил с 1310). По данным Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, в XVI–XVII веках Бессарабией называли часть нынешней Румынии – (Валахию с Бабадагской областью по Дунаю), [1] затем южную часть междуречья Прута и Днестра – Буджак, а после 1812 года – всё междуречье.

в первый день войны. Карты эту он тут же отнес в литографию и велел мастеру скопировать ее в самом срочном порядке. Камни для печати были готовы уже к пяти часам утра. После чего была запущена машина и к утру большая партия карт, на которых стрелками были обозначены движения войск, была готова. На листах стоял заголовок: «Для читателей газет. Пособие». Ход был поистине гениальный. Дело в том, что газеты того времени просто физически не могли помещать рисунки. Печатались они на типографских машинах с помощью уже готовых шрифтов, а изготовление клише для картинки занимало долгое время и никак не соответствовало оперативности издания. В то же время газеты сразу запестрели статьями, очерками, заметками и сообщениями, в которых описывался ход боевых действий. Читателю же совсем не всегда было понятно, о чем идет речь, если в заметке написано, к примеру, что полк генерала Доброхотова выдвинулся к крепости Аккерман. Что это за крепость, где она расположена, как именно можно к ней выдвинуться, все это можно было узнать только из карт, а их к заметке не предлагалось. Зато они предлагались Сытиным. Весь тираж разошелся буквально в мгновение и его пришлось срочно допечатывать. Три месяца литография Ивана Сытина практически монопольно печатала карты военных действий, иногда в голом виде, иногда сопровождая их краткими описаниями. Три месяца потребовалось конкурентам для того, чтобы понять выгодность затеи и подхватить ее. Но к тому времени все московские оптовики уже твердо знали адрес сытинской конторы и закупали ходовой товар у молодого издателя. Вместе с картами хорошо шли и портреты генералов, и картинки с изображением главных сражений. Популярность сытинской продукции мигом взлетела до таких высот, с которых, как говорил потом сам издатель «покупатели положительно рвали товар из рук и торговались не о цене, а о количестве».

Но Сытину одного коммерческого успеха было уже мало. У молодого издателя просто руки чесались напечатать на своей машине что-то более значительное и нетленное, чем «Похороны Кота» или «Бову-королевича». Однако пока он мог печатать только лубки. Но ведь и лубки можно делать разные. Мысль о том, что даже дешевую продукцию для крестьян можно совместить с высоким искусством пришла ему еще в конце 1877 года.

Как ему удалось познакомиться с маститым скульптором и художником Михаилом Микешиным²¹ нам неизвестно. Но точно известно, что уже в 1878 году он уговорил мастера написать специально для его литографии несколько «народных» картинок.

Михаил Осипович, как и его заказчик Иван Сытин, благородством кровей не отличался. Отец его хоть и был мелким помещиком и соляным приставом, сам происходил из крестьян, а дворянство получил, по всей видимости, за геройство во время Отечественной войны 1812 года. Воевал он в составе знаменитого партизанского отряда штабс-капитана артиллерии Александра Фигнера²². Их небольшая диверсионная группа наводила на французов такой невероятный ужас, что сам Наполеон назначил награду за голову командира отряда. Однако капитана никто не сдал. А сам капитан с товарищами, среди которых был и Осип Егорович Микешин, во время бегства французской армии из России отбил у врага целый обоз с награбленными в Москве драгоценностями. Родившийся в 1835 году Михаил все детство провел в маленьком селце Максимково Смоленской губернии. Рисованию его научил местный иконописец Тит Андронович. «Этот милый, весёлый и вечно подвыпивший старикашка научил меня самого готовить и тереть масляные краски, очищать и варить конопляное масло, грунтовать холст и даже делать деревянные подрамники», — вспоминал мастер впоследствии.

²¹ **Михаил Осипович Микешин** (9 (21) февраля 1835 года, деревня Максимково Рославльского уезда Смоленской губернии – 19 (31) января 1896 года, Санкт-Петербург) – русский художник и скульптор, автор ряда выдающихся памятников в крупных городах Российской империи.

²² **Александр Самойлович Фигнер** (1787–1813) – полковник русской армии, отличившийся в войне 1812 года, создатель партизанского (диверсионного) отряда, действующего в тылу французской армии на территории России, Польши и Германии.

В 1858 году он окончил Академию художеств по классу батальной живописи, получив за свою дипломную работу «Въезд Тилли в Магдебург» большую золотую медаль. Его манера письма так понравилась тогда императору, что он пригласил художника обучать рисованию Великих княжон. А в 1859 году он победил на конкурсе проектов памятника Тысячелетию России в Великом Новгороде. Сам памятник был открыт в 1862 году. Его можно увидеть и сейчас, ибо по какому-то странному стечению обстоятельств большевики за 70 лет так и не удосужились снести этот огромный монумент, всем своим видом прославляющий самодержавие и Православие. Далеко не всем его памятникам так повезло. Большинство из них было, по приговору в незрелости и реакционизме, возвращено в исходное состояние, – переплавлено в бронзу. Оставили совсем немного. Но если с нетронутыми великолепными памятниками Лермонтову, Богдану Хмельницкому и Ермаку все более-менее ясно, то почему было помиловано главное творение Микешина – памятник Екатерине II в Санкт-Петербурге, совершенно непонятно. А ведь на нем отлита не только императрица, но и ее многочисленные фавориты, князья и графы, которые все как один были угнетателями трудового народа. Видимо в этом памятнике мастерство скульптора зашло за ту грань, за которой даже варвары начинали чувствовать силу искусства.

Памятник этот был поставлен в 1873 году так что к моменту знакомства с Сытиным фамилия Микешина гремела по Руси так же, как сейчас гремит фамилия Церетели²³. Возможно Иван Дмитриевич обратился к известному художнику, увидев его карикатуры в сатирическом журнале «Пчела». Великий мастер, не брезгующий смешными картинками в популярном издании – прекрасный кандидат на роль автора высокохудожественного лубка. Сытин уговорил Микешина нарисовать для Никольского рынка аж четыре работы – лубки «Наша Катерина», «Цыган и Епифан», «О встрече Ильи Муромца с разбойниками» и «О смерти Святогора-богатыря и передаче богатырского духа Илье Муромцу». Микешин во всех этих проектах был не только художником, но и автором стихотворных текстов. Однако все сотрудничество ограничилось первыми двумя работами.

На первом лубке была изображена настоящая деревенская красавица-щеголиха. Положив руку на бедро, она явно готовилась через мгновение пуститься в лихой пляс. Внизу картинка крупными буквами стояла подпись: «Эво, наша Катерина – намалевана картина», а внизу – мелкими: «Перед мальчиками ходит пальчиками, перед зрелыми людьми ходит белыми грудьми». Возможно, благодаря легкому эротическому подтексту лубок этот пользовался популярностью в прогрессивном, раскрепощенном городе и потерпел провал в патриархальной, консервативной деревне.

Второй лубок имел значительно больший успех. Нарисован он был по мотивам старого русского анекдота. Состояла она, как современные нам комиксы, из нескольких картинок. На первой был нарисован грустный мужик в лаптях рядом с ссутуленной клячей. Было видно, как из самой картинки, так и из подписи к ней, что лошадь устала и дальше идти отказывается. Проходящий мимо цыган берется помочь крестьянину и мажет у нее под хвостом скипидаром. Прием срабатывает: лошадь срывается с места и мигом скрывается из глаз. «Не догнать Епихе», – сокрушается подпись. Но цыган и тут находит единственный выход: он мажет крестьянину то же место, что и у лошади, и вот уже заряженный скипидаром Епиха «пошел махать во всю силу», да так, что обогнал саму кобылу. Этот лубок хорошо пошел и в городе, и в деревне. Авторские права тогда охранялись не так строго, поэтому историю про мужика, лошадь и цыгана печатали все, у кого была машина, и разошлась она по России насчитанным, возможно даже больше чем миллионным тиражом. Популярность этого лубка была так

²³ **Зураб Константинович Церетели** (4 января 1934, Тбилиси) – российский художник и скульптор. Народный художник СССР (1980), Народный художник Российской Федерации (1994), Президент Российской академии художеств (с 1997 года), Почётный член Российской академии образования.

велика, что в 1914 году, спустя 36 лет после создания, художник Михаил Щеглов переделал его на новый лад, превратив цыгана в русского солдата, а глупого крестьянина – в германского императора Вильгельма II²⁴.

Однако, несмотря на успех, дальше сотрудничество не пошло. Поводом к разрыву договоренности стали материальные и художественные несостыковки. Первоначально Сытин уговорил художника во имя распространения искусства в массах работать за просто смешной для такого известного мастера гонорар – 100 рублей за картинку. Микешин согласился, поставив встречное условие: лубки должны были быть самого высокого качества. Несмотря на уверения печатника, что в его литографии трудятся только профессионалы экстра-класса, знакомый с их работами художник отказался доверять изготовлению камней сытинским рисовальщикам. В письме Ивану Дмитриевичу он назвал их «опытными, но не вполне художественными». Специально для своих лубков Микешин нанял в Петербурге самого известного и уважаемого в области литографии эксперта – Михаила Рудометова²⁵. Тот изготовил необходимые для печати на сытинской машине камни и переслал их в Москву. Однако издатель, узнав, сколько просит за работу питерский мастер, отказался от готовых камней и поручил-таки работу своим «не вполне художественным» подчиненным. В то же время он написал письмо Микешину, в котором попросил его обождать немного с получением гонорара, поскольку работы много, гонорар для народного бизнеса – большой, а денег в кассе – мало. О пренебрежении рудометовскими камнями он сообщать не стал, художник узнал об этом почти случайно. Узнал, и тут же накатал молодому издателю гневное письмо. «Я обещал Вам участие всеми силами своих художественных способностей, – писал художник, – не для денег, конечно, а для проведения через Ваши издания в народ лучших образцов народной же поэзии и искусства. Если себе и ждал я какой выгоды, то впоследствии, когда наши с Вами общие старания принесли бы плоды... Согласитесь сами, что потратить, например, на работу рисунка «Цыган и Епифан» и на раскраску две недели и получить за это 100 рублей невозможно, ибо с такими заработками мне пришлось бы пойти по миру». В результате Микешин заставил издателя соблюсти договор и напечатать картинки не с сытинских, а с рудометовских камней. На этом дело, к удовольствию обеих сторон, почти закончилось. Сытин понял, что несколько переоценил свои пока не столь большие финансовые возможности и решил пока повременить с приглашением к сотрудничеству маститых и дорогостоящих мастеров. Микешин же, исполнив долг перед народом, вернулся к крупным и выгодным заказам.

Слово «почти» использовано не случайно. Спустя 4 года после сдачи «Цыгана и Епифана» уже сам Михаил Микешин обратился к изрядно заматеревшему и окрепшему Сытину с предложением издать продолжение удачной работы:

«Достойнейший Иван Дмитриевич!

Посылаю Вам для просмотра и соображения Вашего свою новую шутку под названием «О том, как мужик Епифан поддался в обман, и о том, что из того вышло потом».

²⁴ **Вильгельм II** (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский; 27 января 1859, Берлин – 4 июня 1941, поместье Доорн, провинция Утрехт, Нидерланды) – германский император и король Пруссии с 15 июня 1888 года по 9 ноября 1918 года. Сын принца Фридриха Прусского (впоследствии императора Фридриха III) и принцессы Виктории, старшей дочери тёзки-королевы. Приходится двоюродным братом королю Британской империи Георгу V и императору Российской империи Николаю II. Царствование Вильгельма ознаменовано усилением роли Германии как мировой промышленной, военной и колониальной державы и завершилось Первой мировой войной, одновременно с поражением в которой Вторая империя была свергнута Ноябрьской революцией.

²⁵ Михаил Данилович Рудометов (ок. 1852 – 19.10.1918, Москва), российский издательский деятель, изобретатель в области печатной техники. В 1878 владелец литографии в Петербурге. Сконструировал печатную машину, серийно изготавливавшуюся заводом А. Васильева и в 1882 отмеченную наградой на Московской художественно-промышленной выставке, и многокрасочную ротацию для однопрогонной печати. Перевел на русский язык книгу Г. Фритца «Руководство по литографии в настоящем состоянии развития этой техники» (1898).

Подумайте: не пожелаете ли издать это книжечкой, чтобы картинки были в красках и при каждой – краткий, но отлично составленный в народном духе, стихами – текст.

Вот Вам описание рисунков, вначале раскрашенная красками передняя страничка, обложка. Потом по номерам:

1. Жена провожает Епифана в город, на базар, чтобы он свез и продал там яйца, и говорит ему, что он простоват, как бы его не надули и чтобы яйца не разворовали. Он, подпоясываясь, успокаивает ее.

2. Приехав на базар, он снял с телеги лукошко с яйцами и, чтобы их не разворовали, придумал сесть на лукошко и не вставать с него до тех пор, пока не явится покупатель, чтобы купил у него все – гуртом. Покупатели требуют, чтобы он показал свой товар, но он из боязни, что раскрадут, не соглашается встать, и они отходят. Сидит Епифан много часов, дело идет к вечеру, – он все сидит. Торговки смеются над ним и говорят ему, что он так долго сидит на яйцах, что может вывести цыплят!

3. Подходит к нему плут цыган, уже раньше издали наблюдавший за ним. Здоровается и говорит Епифану, что сейчас только видел в кабаке его жену, которая хороводится там с солдатами. Епифан привстает с лукошка и просит цыгана побыть тут, пока он сходит в кабак.

4. Только что он стал удаляться, цыган, не теряя времени, стал перекладывать яйца из лукошка в Епифанову телегу. Переложил и уехал, оставив пустое лукошко. Торговки видят это, но ему не мешают.

5. Возвращается Епифан из кабака и удивлен при виде опустевшего лукошка; но торговки объясняют ему, что, сидя, он так нагрел яйца, что как только встал и ушел, тотчас же и вывелись цыплята. Епифан этому верит и, видя, что по базару там и сям ходят куры и цыплята, решил, что это он их высидел и что они принадлежат ему. Но торговки с этим не согласились, тогда Епифан, схватив близ него находившихся петуха и курицу, сунул их в лукошко и поторопился улизнуть от торговки, забыв даже о своей кобыле, на которой уехал с базара цыган.

6. Епифан что есть духу, с лукошком на руках, устремляется с базара – за город. Его яростно преследуют торговки, собаки и свинья. Наступает вечерняя тьма. Картинка между Э 6 и Э 8 еще не сделана, но она должна изображать темную ночь, а подпись под нею гласит, что вследствие наступившего мрака неизвестно: был ли изловлен торговками Епифан или ему удалось счастливо от них уйти к себе домой, в деревню.

8. Цыган же, запасшись полштофом водки, благополучно выехал через другую заставу из города. Выбрал удобный пригорочек и расположился, чтобы насладиться плодами своей хитрости, то есть покушать краденых яичек и запить их водочкою.

9. Невпрок ему пошла краденая пища: объелся и приказал долго жить, растянувшись тут же, на пригорке, вылупя глазищи и язык, и воронье собирается тоже поужинать; а кобыла Епифанова, видя, что уж тут ей больше делать нечего, пошла домой и – конец.

Текст стихами мне сделает Александр Николаевич Островский.

Если Вам сюжет этот нравится и картинками этими Вы, как эскизами, довольны; а также, если Вы согласны на условие, чтобы 10 картинок этой книжки и текст считать за две больших моих картинки, т. е. вдвое против сделанного нами условия, то есть получать мне 2 копейки, если книжка

будет стоить 10 коп., или 3, если книжка – 15 коп., то тогда об этом меня известите тотчас же, а рисунки передайте из рук в руки другу моему, Его Превосходительству Александру Николаевичу Островскому²⁶, он живет против храма Спасителя, в доме Светлейшего князя Голицына.

Желаю Вам доброго здравия.

М. Микешин».

К сожалению, работа эта так и не пошла, иначе у нас сейчас было бы больше одним произведением великого драматурга Островского и десятью картинками замечательного художника Микешина. Почему Сытин не согласился на предложение живописца можно только догадываться. Возможно, он остался не в восторге от прежнего опыта сотрудничества, может его не устроила цена. Но, скорее всего, он просто был слишком занят и не мог отвлекаться на мелочи. Ведь письмо он получил буквально перед началом первой в его жизни художественно-промышленной выставки, которую должен был посетить сам Государь Император и на которую предприниматель Сытин делал большую ставку. Подготовка к ней отнимала все время без остатка, и на такие мелочи, как издание еще одной «народной» книжки его просто не оставалось. А Микешин и не настаивал.

Популярность сытинской продукции росла и одна литографическая машина была уже просто не в состоянии удовлетворить все далее растущий спрос. Производство надо было расширять. Только сделать это было не так просто, ведь хозяином литографии все еще числился консервативный Шарапов, просто боявшийся всяческих нововведений. Иван это прекрасно понимал. И старался как можно скорее полностью получить контроль над своим делом в свои руки. Для этого он досрочно, уже в 1878 году рассчитался с Шараповым и стал полноправным владельцем литографии. С бывшим хозяином теперь его связывала только договоренность о том, что вся сытинская продукция будет реализовываться через шараповскую лавку.

Отныне Иван получил почти полную самостоятельность, которую он так долго ждал. Ждал с надеждой и со скрытым, даже от самого себя, страхом. Страхом сына, знающего, что он навсегда покидает родительский дом и теперь ему за все придется отвечать единолично, не надеясь на то, что в любой беде он получит безусловную помощь и поддержку. В жизни Ивана начинался совершенно новый период. Период самостоятельно плаванья по волнам издательского бизнеса. Вокруг плавали акулы, которые могли в любой момент проглотить конкурента. И не было уже рядом спасительного шараповского авторитета. Успокаивало только то, что пока у конкурентов не было особой нужды атаковать конкурента. Спрос на книжную продукцию рос темпами, явно превышающими рост предложения, и за покупателя пока бороться не приходилось. Да и сам Сытин постепенно тоже превращался в акулу. Пока еще маленькую, но способную, если и не проглотить врага, то пугнуть его, показав маленькие, но частые зубки. Хотя драться Иван, как мы помним, не любил. Ему больше нравилось плавать в компании себе подобных, будучи первым среди равных. И если таких вокруг не было, то их можно было создать.

Примерно в то же время, когда произошел расчет с Шараповым, литографию Сытина накрыл первый серьезный кризис. Кадровый. Увидев, насколько хорошо идут дела у хозяина, рисовальщик Мишка Соловьев вместе с печатником решили покинуть литографию и открыть собственное дело. Иван Дмитриевич удерживать их не стал. Более того, он вполне искренне пожелал им успеха и даже выпил с ними «отходную». На заработанные деньги беглецы купили старенькую машину и так же занялись печатью лубков. Дело, хоть и не с блеском, но пошло и уже скоро компаньоны, сразу не договорившиеся о своих долях в нем, перессорились и Соловьев просто вышиб из новой литографии своего старого партнера. Тот вернулся к ста-

²⁶ Александр Николаевич Островский (31 марта (12 апреля) 1823 – 2 (14) июня 1886) – русский драматург, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

рому хозяину и попросил взять его, по старой памяти, обратно. Но Сытин обратно брать его не стал, сказав, что на его месте уже работает печатник, к которому у Ивана нет никаких претензий и увольнять которого тоже нет оснований. Таково было официальное оправдание. На самом деле, как Сытин признался позже, он не желал принимать обратно на работу человека, уже почувствовавшего вкус собственного дела, не без основания полагая, что тот, накопив еще денег, вновь покинет предприятие. И тогда придется опять искать нового хорошего печатника, либо готовить его самому. Все это в планы Сытина не входило, и он посоветовал бывшему подчиненному открыть собственное дело. И не только посоветовал, но ссудил его необходимой суммой и помог купить подержанный станок.

Возможно, предприниматель и был обижен на «отступников», но даже вида этого он не показывал. Напротив, он сохранил с новыми «конкурентами» приятельские отношения и частенько встречался с ними как у себя дома, так и на нейтральной территории: в трактире, ресторанчике или еще в каком-либо отвлеченном месте. Позже, когда развитие дела потребовало создания товарищества на паях, и бывший печатник, и рисовальщик вошли в число пайщиков.

Несмотря на то, что продукцию свою Сытин сдавал Шарапову с существенной скидкой, шла она так хорошо, что уже спустя несколько месяцев после начала «самостоятельного плаванья» Иван Дмитриевич накопил немалый капитал. Который позволил ему купить собственный дом на Пятницкой улице, куда он переехал с женой и двумя детьми – полуторагодовалой Марией и новорожденным Николаем. В этот же дома была перенесена литография, а к старой машине была добавлена еще одна. Тоже вполне передовая.

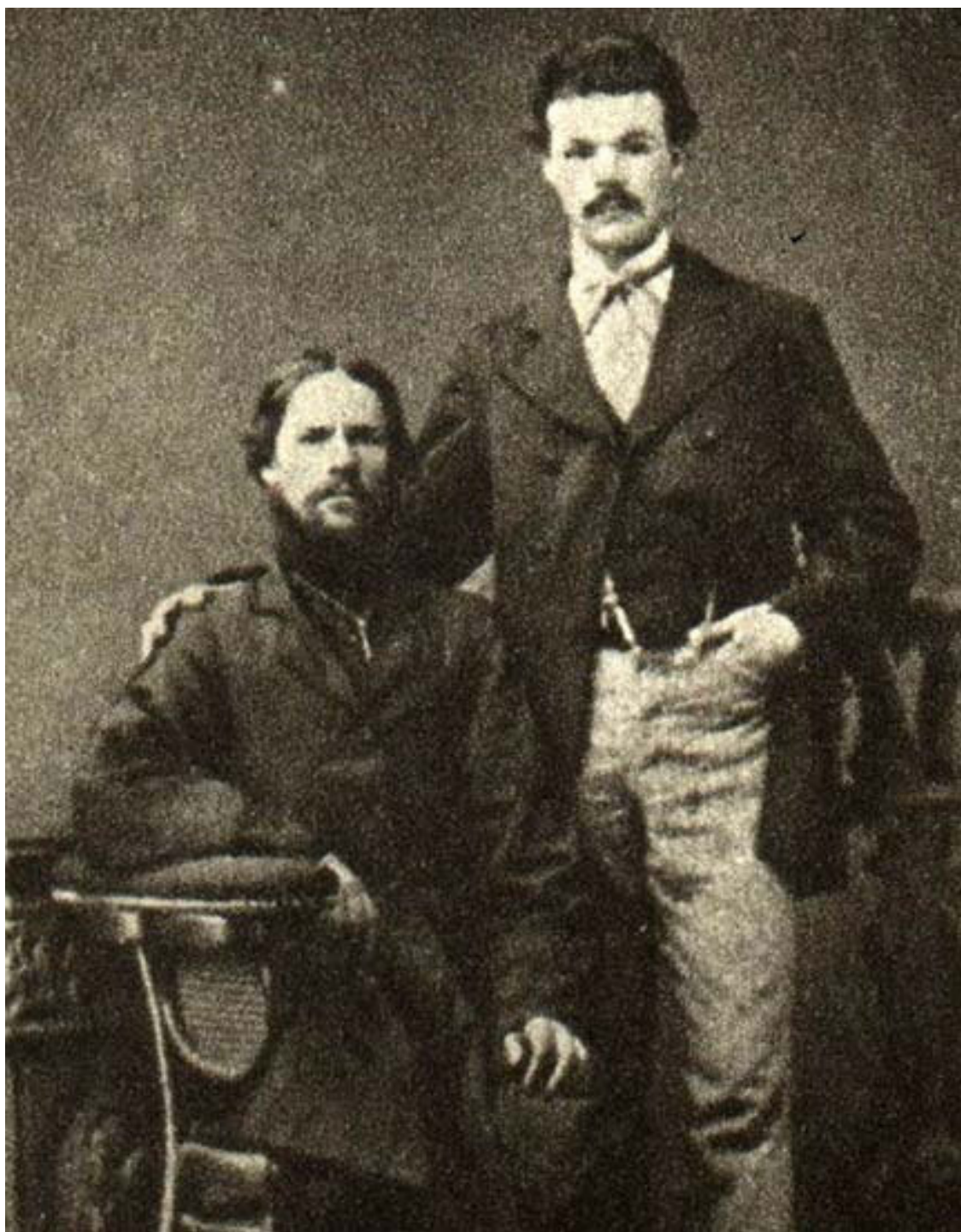

Первая литография Сытина на Пятницкой улице

В 1882 году Иван Сытин получил первую в своей жизни награду – бронзовую медаль художественно-промышленной выставки. Выставка проходила в Петровском парке Москвы с 20-го мая по 30 сентября.

Крестьянская доля Художественно-промышленная выставка, знакомство с императором, первая награда

В предпринимательской истории Сытина это была первая большая выставка. Если не считать ежегодные поездки в Нижний, ярмарка в котором тоже вроде как считались выставками. На ней даже определялись победители и им даже вручали памятные листы и специальные медали. Но выставка в Москве была совершенно особого рода. До нее подобного масштаба мероприятие проходило в России лишь в 1870 году, да и то в Петербурге. Консервативный Шарапов, не собиравшийся особенно расширять дело, проку в ней не видел, поэтому выставка та прошла мимо Сытина. Однако пройдя мимо физически, она не могла пройти мимо него и информационно. Безусловно, 19-летний Иван знал о ней, читал про нее и про ее результаты в газетах, слышал от знакомых купцов и приказчиков и с нетерпением ждал 1875 года, когда очередная художественно-промышленная выставка должна была пройти в старой столице. Уж тут бы он своего не упустил и уговорил бы хозяина выйти не смотр со своей экспозицией.

И. Д. Сытин (справа), 1875 год

Однако с 1875 годом вышла неудача: правительство решило отложить ее на пять лет. Причина была до банального проста. На носу были Всемирные выставки 1876 года в Филадельфии и 1878 года в Париже. Выставки эти, начавшись со Всемирной выставки 1851 года в Лондоне, регулярно проходят и сейчас, только с 1967 года мы называем их Экспо с добавлением года: Экспо-2000, Экспо-2010. Российское правительство предавало отечественной экспозиции на этих двух международных форумах исключительное значение, поэтому все силы и средства были брошены на них. А уже сразу после завершения парижской международной были начаты активнейшие работы по подготовке выставки отечественной.

Первым делом предстояло выбрать для будущего форума подходящее место. И тут в администрации сразу возникли серьезные разногласия. Всем было понятно, что для его проведения требуется большое открытое место. По этой причине московское отделение Совета торговли и мануфактур предложило провести ее на окраине города – на Ходынском поле. Архитекторы Август Вебер²⁷ и Александр Каминский²⁸, по заказу Совета, создали проект и подсчитали затраты на строительство выставочных павильонов. После долгих переделок и ужимок им удалось уложиться в 500 тысяч рублей, – именно столько выделяло на строительство российское правительство. Однако Московская городская дума с таким выбором была категорически не согласна. Ее депутаты мечтали провести выставку в центре города, чтобы постройки, после окончания выставки, можно было не сносить, а напротив – продать, или сдать в аренду. Созданная ею комиссия нашла подходящее место – винный и соляной дворы на Болотной площади между Москвой-рекой и водоотводным каналом на Якиманке. Проект будущего комплекса на этом месте был заказан тем же Веберу и Каминскому. Они предложили перестроить стоявшие там склады и добавить к ним еще три капитальных здания – два двухэтажных и одно центральное – трехэтажное. Территория выставки в центре Москвы заняла бы около двух гектар, а общая площадь помещений составила бы 25 тысяч квадратных метров. Но тут уже в нужную сумму уложиться никак не удавалось: как не ужимались архитекторы, как не давили на них заказчики, минимум, которого удалось достичь, составил 885 тысяч рублей. Однако Думу это не останавливало, недостающие 335 тысяч она соглашалась покрыть из городского бюджета. На самом деле, экономически решение было верным: доходы от поствыставочного использования построенных помещений, от реконструированных складов и от сдачи домов в наем московскому купечеству и аристократии должны были весьма быстро покрыть все затраты и далее приносить стабильный и солидный доход. Депутаты даже уже запланировали разместить в нескольких постройках штаб, интендантство с квартирами для нижних чинов, городское начальное и ремесленное училища. Но мечтам их сбыться было не суждено.

После долгих обсуждений под место проведения была все-таки выбрана Ходынка. У ее сторонников нашлись три козыря, которые Думу побить не удалось. Первое – обширность территории, которая была как минимум в 15 раз больше, чем отведенная в центре столицы. Второе – транспортная доступность. До предполагаемого места проведения по Петербургскому шоссе уже была протянута конно-железная дорога, по которой легко было доехать до одного из главнейших логистических центров империи – Белорусского вокзала. И, наконец, третьим козырем было то, что впритык к Ходынскому полю располагалось «любимое гульбище московских жителей» – Петровский парк. Предполагалось, что раз тысячи людей и без выставки ездят в такую даль со всех концов города, то уж на выставку они придут точно. В конце концов, расчет оказался верным: за время работы выставку посетило более миллиона человек.

Однако, вовремя выполнить все работы по подготовке не удалось, и в 1879 году было решено перенести ее на год. В том же 1879 году были, как того требовали законы, опубликованы правила предстоящего грандиозного мероприятия, в которых было сказано, что «в 1881 году имеет быть в Москве пятнадцатая Всероссийская выставка, предназначенная для произведений всех родов промышленности и художественной деятельности; соответственно этому выставка сия получает название Всероссийской промышленно-художественной

²⁷ **Август Егорович Вебер** (29 декабря 1836, Прага – 16 августа 1903, Москва) – русский архитектор. Среди наиболее известных работ – гостиница с рестораном «Славянский базар» (1872 год), Театр зверей «Уголок дедушки Дурова» (1894), цирк на Цветном бульваре (1880), дом Козицкой (впоследствии – Елисеевский магазин, 1874).

²⁸ **Александр Степанович Каминский** (1829–1897) – московский архитектор, один из наиболее плодовитых мастеров поздней эклектики 1860-х – 1880-х гг. Автор первого здания Третьяковской галереи, Третьяковского проезда и десятков частных и общественных зданий в Москве; строитель Преображенского собора Николо-Угрешского монастыря Московской епархии.

выставки 1881 года». Теперь к назначенному сроку все было готово, но в дело вмешалось providение и все испортило.

Буквально за полтора месяца до намеченного открытия, 1 марта 1881 года в 2 часа 25 минут пополудни народоволец Игнатий Гриневицкий²⁹ бросил бомбу прямо под ноги возвращавшемуся с «чая» у великой княгини Екатерины Михайловны³⁰ императору Александру II³¹. Спустя час царь «Освободитель» от полученных ранений скончался в Зимнем дворце. Конечно, ни о каких народных гуляниях, торжествах и массовых мероприятиях после такого теракта не могло быть и речи. Страна погрузилась в траур, в подготовку к смене власти, к новой коронации, и открытие было перенесено еще на год.

20 мая 1882 года в час дня на Ходынском поле состоялась торжественная молебен по случаю начала долгожданной выставки. Служил ее глава столичного духовенства митрополит Макарий. На открытии присутствовал сам император Александр III³², сопровождал которого столичный генерал-губернатор князь Владимир Долгоруков³³. Такого съезда производителей, такой ярмарки всероссийского тщеславия империя в своей истории еще не видела. На территории более 30 гектаров были выстроены большое центральное здание, два примыкающих к нему больших павильона, девять «главных», или, как их еще называли «казенных» павильонов, 36 частных павильонов, железнодорожный вокзал, концертный зал на 2150 мест, ресторан, трактир, павильон администрации и экспертов, пожарное депо и другие вспомогательные постройки. Среди этих прочих был один, проникнуть в который было особенно трудно. На плане он значился, как здание для «отдохновения высочайших особ», коими были приехавшие посетить мероприятие представители императорской фамилии. Грандиозное центральное здание состояло из восьми расположенных звездообразно и соединенных двумя коническими галереями, трехнефных павильонов. Известная петербургская фирма «Сименс и Гальске», возглавлял которую брат основателя компании «Сименс» Вернера Сименса, купец первой гильдии Карл Сименс³⁴, построили на территории первую в России электрическую железную дорогу. Площадь только трех главных зданий превышала 55 тысяч квадратных метров. На выставку приехали предприниматели со всех, даже самых отдаленных частей страны. 5813 участников представляли 6852 партии экспонатов. Вся экспозиция была разделена на 14 тематических отделов и 121 группу. В самостоятельный отдел впервые были выделены кустари, представившие более 1000 экспонатов. В отделе изобразительного искусства было выстав-

²⁹ **Игнатий Иоахимович (Акимович) Гриневицкий** (1856, имение Басин, Минская губерния – 1 (13) марта 1881, Санкт-Петербург) – российский революционер белорусского происхождения, член «Народной воли», один из первоапрельцев. Непосредственный убийца императора Александра II. Во время участия в «Народной воле» был известен как «Михаил Иванович», «Котик». Именно он бросил бомбу, взорвавшую его вместе с царём. При взрыве получил тяжёлые ранения. Скончался около 10 часов вечера в день покушения в придворном Конюшенном госпитале, перед смертью ответив на вопрос об имени и звании «не знаю».

³⁰ **Великая княгиня Екатерина Михайловна** (1827, Санкт-Петербург – 1894, Санкт-Петербург) – дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, внучка Павла I; герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

³¹ **Александр II Николаевич** (17 (29) апреля 1818, Москва – 1 (13) марта 1881, Санкт-Петербург) – император всероссийский, Царь Польский и великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Старший сын сначала великокняжеской, а с 1825 года императорской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны. В народе, за отмену крепостного права, был назван «Освободителем».

³² **Александр III Александрович** (1845, Аничков дворец, Санкт-Петербург – 1894, Ливадийский дворец, Крым) – император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский с 1 (13) марта 1881. Из династии Романовых. В официальной дореволюционной (до 1917 года) историографии именовался «*Миротворцем*».

³³ **Владимир Андреевич Долгоруков** (1810–1891) – князь, российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, кавалер Ордена святого апостола Андрея Первозванного (30 августа 1874), Московский градоначальник, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах. Пользовался в народе немалой популярностью.

³⁴ **Карл Генрих фон Сименс** (1829 года Менцендорф, Мекленбург-Шверин – 1906 года Ментона, Франция) – немецкий предприниматель, младший брат основателя компании Siemens & Halske Вернера фон Сименса. В 1853 году Карл Сименс основывает российское представительство компании своего брата и заключает контракт на создание русской телеграфной сети. После смерти в 1892 году своего брата Вернера он становится генеральным директором *Siemens & Halske*. За верную службу России в 1895 году был посвящён в дворянство Царём Николаем II.

лено около тысячи произведений известнейших российских художников, среди которых были Антакольский, Брюллов, Васнецов, Верещагин, Ге, Иванов, Крамской, Куинджи, Репин, Понатов, Прянишников, Савицкий и многие другие. В рамках культурной программы симфонический оркестр под управлением Антона Рубинштейна³⁵ дал на сцене концертного зала целую серию великолепных концертов. Проведение выставки освещалось специальными изданиями – еженедельным журналом «Колокольчик» и ежедневной газетой «Всероссийская выставка». Владимир Стасов³⁶ посвятил ей обширнейший очерк, в котором писал: «На выставку нынче ходит сам народ – мужики, бабы, солдаты, фабричные – массами, и притом почти всегда на целый день, с узелками и провизией, с детьми, даже грудными. Мне это напомнило то, что я, бывало, прежде видел на больших выставках в Париже и Лондоне и чего не воображал увидеть у нас на своем веку. ...своими архитектурными формами, сооружениями, размерами и всеми приспособлениями для ее обозрения и для удобства публики она (выставка, – В. Ч.) совершенно приблизилась ко всем бывшим всемирным выставкам и почти ни в чем им не уступала. Обширностью своего плана и всех своих построек, грандиозностью некоторых частей она вполне выражала собой государство, собравшее здесь плоды своих трудов с огромных пространств двух частей света». Особенно он восхищался архитектурой центрального павильона: «Эти ряды выгибающихся кругом стеклянных зданий, в красках и золоте, с лужайками, куртинами цветов и вьющимися дорожками, с красивыми терракотовыми фонтанами, высоко бьющими в нескольких местах садика, с изящною деревянною беседкою на наклонных врозь копиях, в самой середине садика – все это необыкновенно изящно, светло, радостно...». Не обошли вниманием выставку и западные СМИ. Почти все уважаемые издания прислали на нее своих корреспондентов и поместили ее обширнейшие обзоры и посвященные ей репортажи. Парижская «Revue de Deux Mondes» писала: «Выставка 1882 года составляет истинное торжество для промышленной России; она служит выражением громадного прогресса во всех отраслях человеческого труда за последние двадцать лет», а энциклопедия Брокгауза назвала московскую выставку одним из важнейших, наравне со Всемирными выставками, мировым смотром.

Подготовка к этому важному мероприятию отняло у Ивана Сытина немало сил и средств. Первым делом ему удалось, через городского голову Москвы и председателя выставочного комитета Николая Алексеева³⁷, выбить для своего стенда весьма хорошее место, прямо на стыке механического и художественного отделов. Иван Дмитриевич представлял два экспоната – отпечатанные в его литографии многоцветные картины и «первую печатную машину, изготовленную в России». Еще до начала выставки ему удалось завести знакомство с заведующим художественным отделом академиком исторической живописи Михаилом Боткиным³⁸. Академик долго рассматривал сытинские выставочные лубки, похвалил их и посоветовал молодому предпринимателю поэкспериментировать и выпустить в лубках произведения старых и прославленных мастеров кисти.

³⁵ **Антон Григорьевич Рубинштейн** (1829, Выхватинец, Подольская губерния –) 1894, Петергоф) – русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.

³⁶ **Владимир Васильевич Стасов** (января 1824, Санкт-Петербург – октября 1906, Санкт-Петербург) – русский музыкальный и художественный критик, возможно наиболее уважаемый среди его современников. Сын архитектора Василия Петровича Стасова.

³⁷ **Николай Александрович Алексеев** (1852–1893) – московский предприниматель, благотворитель, политик, организатор городского хозяйства, происходит из купеческой династии Алексеевых. В 1885–1893 – городской голова Москвы. Алексееву Москва обязана строительством современных систем водопровода, канализации, школ и больниц. Двоюродный брат Константина Сергеевича Алексеева, больше известного под псевдонимом Станиславский, создателя МХАТа и выдающегося театрального режиссера.

³⁸ **Михаил Петрович Боткин** (1839–1914) – российский живописец и гравёр, коллекционер произведений искусства. Сын крупного купца-чаоторговца, брат писателя Василия Боткина и знаменитого врача Сергея Боткина. Специализировался на исторической и жанровой живописи. В собрании Третьяковской галереи представлено две его работы.

Когда в день открытия император Александр пожелал лично обозреть экспозицию, по художественному отделу его водил, разумеется, академик Боткин. Вместе с царем выставку осматривали императрица Мария Федоровна³⁹, два сына – Николай⁴⁰ и Георгий⁴¹ и князь Черногогорский⁴². После экскурсии по отделу Боткин подвел членов царской фамилии к сытинскому стенду и лично представил императору, как самого издателя, так и его, предназначенную для крестьян, продукцию. Царь любил крестьян, считал их основной поддерживающей силой монархии, и красочные лубки Сытина пришлись ему по вкусу. Царице же больше понравились отпечатанные в сытинской литографии детские книжки. Заметив это, Боткин сам, не спрашивая издателя, который и не особенно возражал, отобрал для императрицы целую стопку книг в подарок. Что называется, «в ассортименте». Далее гости проследовали в печатный отдел, в самом начале которого всюду трудился второй экспонат Сытина – печатная машина. Как-то так совпало, что именно в этот момент на ней печатались портреты членов царской семьи и князя Черногогорского. Портреты эти, отпечатанные на бумаге самого высокого качества, в количестве нескольких десятков экземпляров были тут же, прямо с лотка подарены почетным посетителям.

В результате, сытинские лубки были признаны образцовыми и он, по результатам выставки, продолжавшейся до конца сентября, получил бронзовую медаль на Станиславской ленте. Для него эта награда была наивысшей из возможных. Дело в том, что представителям крестьянского сословия по закону ни золотых, ни серебряных наград давать было не положено.

Именно так. Это может показаться странным, но к тому времени довольно успешный уже предприниматель и домовладелец Иван Дмитриевич Сытин все еще числился крестьянином. В те времена это не было редкостью. Крестьянам тогда вовсе не возбранялось заниматься мелкой предпринимательской деятельностью, а налоги при этом они платили минимальные. Для того же, чтобы записаться в купцы самой мелкой, третьей гильдии надо было объявить капитал от 8 тысяч до 20 тысяч рублей, с которых потом надо было выплачивать весьма существенную пошлину. В то же время крестьянин, заплатив всего 400 рублей, мог получить свидетельство на право торговли купца третьей гильдии, «но без личных преимуществ и всех тех прав, кои из оных проистекают». То есть, такой крестьянин не имел права владеть кораблями, заниматься банковской и страховой деятельностью, ездить в карете и именоваться, как купцы «Ваше степенство», дети его не освобождались от воинской повинности, а сам он в случае повинности мог подвергнуться телесному наказанию. Без всего этого молодой издатель пока обойтись мог и поэтому, в целях экономии, до поры оставался крестьянином с торговым свидетельством. По такому свидетельству, называвшемуся «свидетельством 1-го рода» он мог иметь в своем городе или селе фабрику, до трех лавок и выполнять работы на сумму до 20 тысяч рублей. Если этого не хватало, можно было за 1100 рублей купить свидетельство 2-го рода на право торговли купца 2-й гильдии, или за 2600 рублей свидетельство 1-го рода, дававшего

³⁹ **Мария-София-Фредерика-Дагмара**, или просто **Дагмар**, дочь Кристиана, принца Глюксбургского, впоследствии Кристиана IX, короля Дании, принцесса Датская, в православии **Мария Федоровна (Феодоровна)** (1847, Копенгаген, Дания – 1928 замок Видере под Клампенборгом, Дания) – российская императрица, супруга Александра III (1866), мать императора Николая II.

⁴⁰ **Николай II Александрович** (1868, Царское Село – 1918, Екатеринбург) – император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский, последний Император Российской Империи (1894–1917). Из династии Романовых. Полковник (1892); кроме того, от британских монархов имел чины: адмирала флота (1908) и фельдмаршала британской армии (1915 года). В ходе Февральской революции 1917 года отрекся от престола и находился вместе с семьей под домашним арестом в царском дворце. Летом 1917 года, по решению Временного правительства, был вместе с семьей отправлен в ссылку в Тобольск, а весной 1918 года перемещен большевиками в Екатеринбург, где был расстрелян вместе с семьей и приближенными в июле 1918 года.

⁴¹ **Георгий Александрович** (1871, Царское Село – 1899 близ Абастумани, Тифлисская губерния) – Его Императорское Высочество, цесаревич и великий князь, третий сын Александра III и Марии Федоровны, брат Николая II.

⁴² **Никола Петрович-Негош** (7 октября 1841, Негуши, Черногория – 2 марта 1921, Антиб, Франция), был князем (1861–1910), а затем королём (1910–1918) Черногории.

торговые права купца высшей, первой гильдии. В последнем случае ему позволялось производить работ на сумму свыше 50 тысяч рублей, иметь неограниченное число лавок и даже торговать с границей.

До 1882 года всего этого Ивану вполне хватало. Но история с не присвоением ему выставочного «золота», на которое он уверенно шел, и ради которого так старался, его откровенно расстроила. Издатель понял, что имидж в бизнесе часто не менее важен, чем успех или чутье и уже в скором времени записался купечество. После этого ему на различных выставках, как отечественных, так и зарубежных предприниматель получил более 20 медалей, большей частью золотых. Однако, как он потом вспоминал: «первая, бронзовая, «крестьянская» медаль долго сидела в моей памяти, была для меня дороже всех золотых».

Часть третья

Дело хозяйское Обретение самостоятельности, учреждение товарищества, авторский пул

Стремительно обучавшаяся грамоте Россия поглощала печатную продукцию во все больших количествах. Сытинские машины работали круглосуточно, но все равно не могли удовлетворить растущий спрос огромной державы. Дело требовало срочного и капитального расширения. Это понимали все, и сытинские сотрудники, и его патрон, купец Шарапов, и, конечно, сам Иван Дмитриевич. Дело было за малым – за инвестициями. Главным инвестором у Сытина был, разумеется, Шарапов. Но, несмотря на понимание проблемы, он совсем не стремился вкладываться в развитие типографии. Осторожный купец предпочитал действовать по-старинке, пусть тихо, но зато верно и безопасно. И то сказать: сейчас спрос есть, а что как он через полгода пропадет? Начитается Россия, или конкуренты ценами перебьют покупателя, или государство вообще запретит книжки для крестьян печатать. А что, такое тоже было возможно. Что тогда делать? Спроса нет, а машины уже закуплены, склады построены, деньги вложены... Тогда придется просто смириться с тем, что вложены они в яму, которую сами компаньоны вырыли, и которую сами засыплют. Такой поворот Шарапова никак не устраивал. Зато Сытин видел далеко и понимал, что опасности нет почти никакой, а деньги просто утекают сквозь растопыренные пальцы. Несколько раз он просил у Петра Николаевича денег на расширение дела, и все время получал осторожный отказ. Но вода камень точит, и, наконец, старый купец сдался молодому. В конце 1882 года, как раз после завершения выставки он понял, что вопрос можно и нужно решить раз и навсегда, кардинально. В ответ на очередную просьбу он согласился дать своему ученику 5 тысяч рублей кредита, но сам окончательно вышел из дела. Отныне, оставаясь Сытину в бытовом плане добрым другом, благодетелем и фактически вторым отцом, в плане деловом он отходил на роль простого покупателя и заказчика, правда, одного из основных.

Получив полную свободу и независимость, Сытин сразу ею воспользовался. Уже в том же 1882 году в Московской купеческой управе был зарегистрирован торговый дом «И. Д. Сытин и Ко». А 1 января 1883 года на Старой площади, у Ильинских ворот, рядом с лавкой Шарапова открылась новая книжная лавка, хозяином которой был молодой купец. В сравнении с шараповской была она крохотной – примерно 7 метров в длину и около 4 в ширину. Лавка даже не отапливалась и зимними ночами в ней замерзали чернила. Однако днем они оттаивали, так как помещение быстро прогревалось массой покупателей. К тому времени, по рассказам сытинских подчиненных, их патрон обслуживал сеть, состоявшую из примерно двух тысяч офеней. Привлекал он их не только высоким качеством и цветастостью книжек, но и низкой ценой. В то время как продавались они в деревнях по 2–3 копейки за листовку, Сытин просил даже не рубль, а всего 95 копеек за партию в сто экземпляров.

Однако открытие собственной торговли было только началом свободного плавания. Покупка новых машин и расширение помещений требовали средств значительно больших, чем 5 тысяч шараповских рублей. Тут уже одному справиться было сложно, надо было привлечь к делу товарищей. И уже через месяц после открытия магазина 33-летний купец заключил с Д. А. Воропаевым, В. Л. Нечаевым и И. И. Соколовым договор об открытии Товарищества на вере под маркой его торгового дома «И. Д. Сытин и Ко» с уставным капиталом 75 тысяч рублей. Крепче всего он был связан с последним из пайщиков: Иван Иванович Соколов был

не только шурином, то есть родным братом жены, но и зятем, мужем одной из двух сестер Ивана Дмитриевича. Сытин, к началу 1880-х годов, не только привез из Галича в Москву обеих своих сестер, но и выдал их замуж, снабдив приличным приданным.

Евдокия и Иван Сытины с детьми – Николаем, Василием, Владимиром и Марией, 1880-е годы

Формула товарищества на вере означала, что образующие его пайщики делятся на две группы – полных товарищей и вкладчиков-коммандитистов. Первые управляли деятельностью компании и отвечали за нее всем своим имуществом. Вторые особого влияния на политику и деятельность фирмы не имели, зато и отвечали по ее делам только своими паями. Нетрудно понять, что у нового товарищества полный товарищ был один – Иван Дмитриевич Сытин, а вкладчиков было трое. И все они, несмотря на свою чисто финансовую ограниченную ответственность, тем не менее, старались по возможности усилить влияние на стабильно растущее предприятие. Иван, по их мнению, был слишком молод, горяч, и своей горячностью мог поставить их вложенные капиталы в рискованное положение. И Иван вынужден был прислушиваться к настойчивым экономическим советам «сотоварищей», а иногда, по необходимости, и следовать им. Особенно, когда в одном совете объединялись все три вкладчика. В таких случаях административного ресурса Сытина явно не хватало для того, чтобы победить паевый ресурс противно-совладельческой стороны. Для того чтобы справиться с такой ситуацией Иван Дмитриевич продал своему товариществу принадлежавшие ему лично книжную лавку и типографию за 36 тысяч рублей. На эти деньги он выкупил 48 процентов паев и стал председателем Правления товарищества. Отныне, чужие советы ему были не указ.

Договор товарищества был заключен сроком на шесть лет, после чего его можно было пересмотреть и пролонгировать, либо просто разделить дело в соответствии с размерами паев и разбежаться.

Получив в работу новый немалый капитал, Сытин быстро поднял дело на новую высоту. Упускать время было не в его характере, и полученной возможностью он сразу воспользовался сполна. Он приобрел еще одну литографскую машину, затем добавил еще две типографских, после чего получил возможность печатать в своей уже теперь типографии почти полноценные

книжки. Почти полноценные потому, что для полного комплекта ему пока не хватало машины переплетной, но без нее в деле крестьянской печати можно было пока обойтись.

Теперь надо было озаботиться об ассортименте.

А с ним было худо. Хорошие авторы требовали больших гонораров. Их книжки можно было продавать никак не дешевле 30–40 копеек, а такая цена для основного сытинского потребителя, крестьянина, – была совершенно неподъемной и немыслимой. Поэтому в печать шли сочинения бульварных авторов.

Это была интереснейшая группа людей. Сам Сытин писал о них так: «Недоучившиеся семинаристы, убоявшиеся бездны книжной премудрости, и всякого рода изгнанники учебных заведений, запьянцовские чиновники, нетрезвые иереи и вообще неудачники всех видов, потерявшие профессию, утратившие репутацию и похоронившие надежду». За свои произведения, уместившиеся в стандартные 36-страничные маленькие книжицы, они получали от 3 до 5 рублей, и произведение при этом продавалось издателю в полную и вечную собственность. Правда были и среди них авторы с «крутыми» заработками. Известный на Никольском рынке литератор Миша Евстигнеев получал за книжку от 5 до 10 рублей. Это был настоящий столп бульварной литературы писавший все, от повестей и романов, до самоучителей танцев и сонников. Однако писал он в основном для книготорговца Александра Манухина, одного из самых главных бульварных издателей. Миша начал печататься еще в конце 1860-х годов. Основным его коньком была ироническая проза, веселые сказки, повести рассказы. Судить о содержании его книг можно уже по названиям: «Дюжина сердитых свях», «Дочь сатаны», «Не жениться горе, а жениться вдвое», «Чудеса между мужчиной и женщиной (до брака и после брака): Житейск. попури», «Царевна-преступница», «Золотые досуги: Альбом-малютка для малых малюток». У офеней Миша пользовался чрезвычайной популярностью, среднеоптовая цена его книжек вдвое превышала среднерыночную планку. Коробейники брали его труды по 1,5–2,5 рубля за сотню, а некоторые его книги даже оптом шли по неслыханно высокой для Никольского рынка цене – 5, 10, а то и 20 копеек за штуку. Всего до нас дошло более 50 книг Миши, и каждая из них переиздавалась в течение многих лет ежегодно не менее чем пяти десятитысячным тиражом. Это был, безусловно, талантливый автор, дружбу с которым водил даже Антон Чехов. В одном из своих писем, в самом конце 1883 года Антон Павлович писал своему другу Николаю Лейкину⁴³: «Пристаю к Мише Евстигнееву, чтоб он написал свою автобиографию. Хочу у него купить ее. Редкое «житие»! Пристаю уже год и думаю, что он сдастся». По началу Сытину такой мастер был не по карману.

Но он нашел ему достойную замену. Уже в 1883 году Иван Сытин выпустил в свет первую книжку Валентина Волгина. Повести его были не такими смешными, как у Миши, зато жуть какими страшными. Изданные в 1884 и в 1886 годах «Ночь у сатаны» и «Чародей и рыцарь» стали настоящими бестселлерами и принесли издателю немалую прибыль. Волгин редко утруждал себя придумыванием сюжета и обычно просто переписывал произведения других писателей, делая их пострашнее, потрагичнее, пожалостливее и подоступнее для народа. Сегодняшний читатель без труда узнаете в волгинской «Утопленнице» (1887 год) пушкинского «Станционного смотрителя», а в «Турецком пленнике» (1886) и «Мертвеце без гроба» (1887) – «Кавказского пленника». Так же он запросто укладывал в стиль народной легенды исторические повести, и тогда на свет появлялись «За Богом молитва, а за царем служба не пропадут» (1883) и «Роковая тайна, или Отец и сын» (1886), или криминальные истории, «Убийство на реке Шексне» (1884), «Страшная ночь» (1886).

⁴³ Николай Александрович Лейкин (7 (19) декабря 1841, Санкт-Петербург – 6 (19) января 1906, Санкт-Петербург) – русский писатель и журналист. Издавал в Санкт-Петербурге юмористический еженедельник «Осколки», в котором начинал печатать рассказы А. П. Чехов под псевдонимом А. Чехонте. Известнейшая его книга, «Наши за границей» (в которой описывалось путешествие купеческой супружеской пары по Европе), выдержала до революции 1917 года 27 переизданий.

Переписыванием мастеров тогда грешили многие рыночные писатели. Хотя сказать «грешили» в данном случае будет неправильно, ибо грехом тогда такое действие не считалось. Каждый зарабатывал свой хлеб, как мог, и если маститые авторы трудились для аристократии, подавая свои произведения на их языке, то те, кто поменьше честно переделывали их вы более «народную» форму. В результате «Князь Серебряный» Алексея Толстого превращался в «Князя Золотого», «Ночь перед рождеством» Гоголя в «Кузнеца и черта», его же «Тарас Бульба» – в «Приключения казацкого атамана Урвана», «Разбойников Тараса Черномора» или просто в Тараса Черномора», «Вий» – в «Три ночи у гроба» или в «Страшную красавицу», лермонтовская «Песнь о купце Калашникове» обращался в свою противоположность – «Боярина Малюту Скуратова», а «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма в «Страшную месть беглого каторжника». Тот же Миша Евстигнеев бывало, говорил:

– Вот Гоголь повесть написал, да только у него нескладно вышло, надо перефасонить.

И перефасонивал замечательно: менял название, что-то убирал, что-то добавлял, переносил действие в более понятные места, убирал непонятные слова и выражения.

Издатели обычно брали книги в печать практически их не читая, определяя будущий успех издания по объему и броскому названию. Да и некогда им было читать: принятый к печати материал почти сразу шел в набор. А поскольку покупатели пользовались теми же критериями, ошибались печатники редко. Тем не менее, ошибки, как и в любом другом деле встречались.

Об одной из таких ошибок, совершенных начинающим еще Сытиным, потом вспоминала вся Москва. Сам герой писал о ней так: «Однажды в самом начале моей самостоятельной торговли за два дня до рождества ко мне в лавку зашел молодой человек, или, точнее сказать, мальчик лет 14–15. На дворе было холодно, а молодой человек был одет не по сезону: длинный, с чужого плеча сюртук, осенняя шляпа с широчайшими полями и на ногах валяные боты.

– Что прикажете, молодой человек? – спрашиваю я.

– Вот не купите ли у меня рукопись?

Озябшей, синей от холода рукой он протянул мне эту рукопись. Я взял, развернул... «Страшная ночь, иди Ужасный колдун»...

– Что ж, – говорю, – молодой человек, заглавие для нас подходящее... А сколько вы хотите за ваше произведение?

– Давайте 15 целковых...

– Не дороговато ли будет...

– Уж сделайте милость, – говорит, – дайте 15... Вы видите, я в нужде, праздники подошли...

– Да вы кто такой, чем заниматься изволите?

– Да ничем еще... Меня только недавно из училища исключили...

– Что так? Набедокурили, значит, в училище.

– Нет, ничего особенного не было, а просто я под партой разные шуточные штучки на учителей писал, вот и выключили... А теперь вот повесть написал... Только вы уже сделайте одолжение, 15 рублей положите за нее... Мне очень нужно...

– Ну что ж, – говорю, – молодой человек, пусть будет по-вашему... Пишите на обратной стороне расписку, что я, нижеподписавшийся, продал И. Д. Сытину в вечное владение настоящую рукопись мою «Страшная ночь, или Ужасный колдун»...

Взял он перо, а рука от холода и писать не может. Уж он дул, дул в свои синие кулаки, а потом еле-еле нацарапал расписку и внизу подписал: «Власий Дорошевич»...

Заплатил я деньги, 15 рублей, и жалко мне стало этого молодого человека. Весь синий, озяб, дрожит (лавка моя не отапливалась) и все в кулаки дует.

– Вы, – говорю, – молодой человек, в случае чего навешивайтесь ко мне в лавку... Может быть, у меня и работишка какая-нибудь найдется.

Расстались мы друзьями, я отдал в набор «Ужасного колдуна».

Но через некоторое время прибегает ко мне встревоженный корректор (человек с образованием, из семинаристов) и говорит:

– Иван Дмитриевич, как бы чего не вышло с вашим «Ужасным колдуном».

– А что такое?

– Да ведь это, – говорит, – повесть Гоголя... Непременно отвечать будете...»

Как видите, в воспоминаниях Сытин говорит, что в таком виде повесть он печатать не стал. А в Москве говорили, что напечатал. И один из сытинских авторов и приятелей Александр Пругавин⁴⁴ вспоминал, как сам Сытин ему рассказывал, что, не зная еще о плагиате, отпечатал «Ужасного колдуна» в 30 тысяч экземплярах. Книжка разошлась так хорошо, что он тут же заложил в печать еще 60 тысяч экземпляров. И только тогда метранпаж узнал в нем «Страшную месть» Гоголя.

Думаете, после этого издатель прекратил все отношения с наглым Власием? Отнюдь. Опять же, в воспоминаниях он продолжает:

«– Ах ты, незадача какая... Что ж теперь нам делать?»

– А больше ничего, – говорит (корректор), – как переделать эту повесть.

Как на счастье, вскоре пришел и мой молодой человек, и мы мирно и даже благодушно покончили наше недоразумение.

– Ежели хотите, Иван Дмитриевич, я все могу переделать.

– Нет, – говорю, – все-то не надо, лучше Гоголя не напишете, а страниц десять переделайте по-новому, чтоб скандалу не было».

Позже недоучившийся гимназист принес в типографию Сытина еще не одну чужую рукопись. Уже когда Власий стал одним из самых известных российских фельетонистов, Сытин жаловался писателю Иерониму Ясинскому⁴⁵: «Меня Дорошевич как малограмотного не раз надувал и, так сказать, обучал. Принесет что-нибудь из Пушкина, за свое выдаст, я и издам. За «Тараса Бульбу» еще заплатил ему двадцать пять, за дешевкой гнался, по правде сказать, и показалось интересным. Пришел квартальный в лавочку, я и похвастан: вот какой писатель выискался, далеко, говорю, пойдет, а он взял рукопись, прочитал, да и говорит: «В арестантское отделение угодит». За то, говорит, что это Гоголя, а это Пушкина. Пришлось одно издание совсем уничтожить, а другое разобрать в типографии. Ну, а рукописи на память оставил. Дорошевич теперь знаменитостью сделался. Только я, как читаю его фельетон, все думается: откуда он это слямзил?» Позже дочь Дорошевича в своих мемуарах утверждала, что отец ее устраивал такие «подставы» вовсе не с целью нажиться, а только желая подшутить над глупым издателем.

Фамилию Дорошевич вы запомните. Мы к ней еще вернемся. И не раз.

⁴⁴ **Пругавин** Александр Степанович (1850, Архангельск, – 1920), русский исследователь старообрядчества и сектантства, публицист, революционер-народник. С 1869 учился в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве, участвовал в революционных студенческих волнениях 1869. Привлекался в 1871 по «процессу нечаевцев», в том же году выслан в Архангельскую губернию. С 1877 изучал старообрядчество. После Октябрьской революции 1917 в Сибири сотрудничал с белогвардейцами. В марте 1920 арестован, умер в Красноярской тюрьме от тифа.

⁴⁵ **Иероним Иеронимович Ясинский** (30 апреля (18 апреля) 1850, Харьков – 31 декабря 1931, Ленинград) – русский писатель, журналист, поэт, литературный критик, переводчик, драматург, издатель и мемуарист.

Картины и картинки Великие мастера, обучающие пособия и детская литература

До Всероссийской выставки 1882 года сытинская типография, если не считать удачной находки с картами военных действий, не занималась. Даже в хвалебном альбоме, изданном к юбилею фирмы, составители вынуждены были признать, что Сытин «как издатель, долго, до 80-х гг. шел на одном уровне с другими аналогичными фирмами». Но Иван Дмитриевич, в отличие от своих конкурентов, вполне довольных положением дел, постоянно думал над тем, чтобы еще такого нового, ходового напечатать. И совет Боткина обратить внимание на картины известных живописцев пришелся как нельзя в пору.

Иван Дмитриевич вообще любил всякие картины, картинки и раскраски. Именно поэтому его книжки и брошюры могли быть напечатаны на плохой бумаге, убогим шрифтом, текст мог не блистать великолепным стилем, но каждая книжка была обязательно богато иллюстрирована, на заглавной странице обязательно присутствовала интересная картинка (не всегда соответствовавшая содержанию) а буквицы в начале глав были всегда выведены в завитушках самого немыслимого вида. Уважение его к изобразительной науке было так велико, что он почти любой рисунок, даже самый незначительный называл «картиной». А любимой поговоркой издателя было «Картина за собой и книгу тянет». В случае с крестьянской продукцией, на которую была ориентирована фирма, это было, безусловно, верно. Хороший рисунок для полуграмотного крестьянина был непреходящей ценностью, а для крестьянина безграмотного – ценностью безусловной. Для грамотного и полуграмотного добротные иллюстрации могли достойно компенсировать слабое содержание, а безграмотному это содержание и вовсе было неинтересно, зато хорошие картинки вполне могли стать стимулом потратить завалявшуюся в кармане лишнюю копейку.

И не надо думать, что крестьянин думал только о пашне и о водке. Вовсе нет. Крестьяне понимали свою важность в системе государственного устройства, они прекрасно знали, что являются фундаментом и все в империи держится именно на них. И им тоже хотелось жить хорошо, культурно. Поэтому красивые картинки на стенах избы были тогда, в конце XIX века не просто прихотью или данью моде, но практически обязательной деталью интерьера. Но и крестьяне тоже делились по уровню культуры, и в каждой деревне обязательно было несколько интеллектуалов (в самом хорошем смысле слова), которые с удовольствием повесили бы на стену не лубок с Ерусланом или Бовой, но хорошо отпечатанную гравюру известного художника. Ту же «Мону Лизу» («Джоконду») хранцуза Лиона Давинчи или церковную картину «Поклонение волхвов» немца Ребранта. Сытин это понимал и, получив благословение академика от художников, сразу приступил к печати известных картин. И нюх не подвел ни издателя, ни академика: картины пошли и пошли очень хорошо.

Следующий хороший совет издателю дала известная тогда в России общественная деятельница, переводчица и детская писательница Анна Погожева⁴⁶. У Анны Васильевны и Ивана Дмитриевича была одна общая цель, обусловленная разными интересами. И та, и другой были крайне заинтересованы в как можно большем распространении грамоты и вообще – образования. Но, если для Погожевой этот интерес был чисто эстетического свойства, и она не преследовала в нем никаких корыстных целей, то для сытинского бизнеса это было крайне важно. Чем больше грамотного народа – тем больше народ будет покупать книг, а чем больше будет

⁴⁶ Погожева Анна Васильевна (ум. 1908) – деятельница народного образования, основательница первого в Москве рабочего клуба.

народ покупать книг, тем больше будет доход сытинской типографии. И то, что уже став богатым человеком и одним из главных российских издателей, Иван Дмитриевич на свой кошт организовал множество деревенских школ нельзя расценивать как простую благотворительность. Школы строили тогда многие купцы, но они обычно возводили их в городах, делали большими монументальными, многие из них потом были преобразованы в училища и институты. И это понятно, – ведь чем больше построенная школа и чем больше город, в котором она построена, тем больше заметно деяние, тем больше за него благодарность. Ведь за постройку школы можно было получить не только благодарность от местных властей, но и орден, а то и дворянство, как личное, так и потомственное переходящее по наследству. Сытин же организовывал школы маленькие, в деревне, в какой-нибудь свободной избе, где обязанности учителя часто выполнял даже не педагог, а местный писарь или староста. Правда учебными пособиями и учебниками, производства сытинских типографий, его учебные заведения комплектовались в самом лучшем виде. Конечно, с императорских высот такие школы заметны не были и получить за них даже крошечную медальку было весьма проблематично. Зато в них, для Сытина, был огромный практический смысл. И хотя потом, в воспоминаниях он уверял, что никакой корысти не преследовал, тем не менее, в разговоре с тем же Ясинским он признавался: «Моя неграмотность заставила меня между тем за ум взяться, и я за свой счет стал заводить в деревнях школы просвещения. Я чуть не тысячу книгоношей воспитал так и разослал по всем концам и, знаете, не ошибся, потому что, чем больше затрачено было на просвещение, тем больше мне было дохода, так что я могу в настоящее время ворочать уже и солидными предприятиями; может быть, газету осную, так что буду богат, потому что объявлениями можно запрудить всю Россию; того же Дорошевича возьму за жабры, так что и на вас (Ясинский дружил с Власом, – В. Ч.), между прочим, надежда».

Но все это происходило уже на рубеже XIX и XX веков. А в 1882 году Анна Погожева, увидев, какие красивые картины печатает литография Сытина, обратилась к нему с предложением начать печатать недорогие, а еще лучше – дешевые наглядные пособия для воскресных школ. Именно ими тогда была занята ее душа. Идея пришлась Сытину по душе. Мало того, что она соответствовала его устремлениям, так она еще и могла принести сама по себе неплохой доход. Всяких учебных заведений и тогда уже по стране было немало, и количество их постоянно росло. Россия стремительно просвещалась и все, что было связано с образованием было востребовано в больших количествах. Между тем, как раз печатных наглядных пособий в школах практически не было. Те же, что были, закупались в основном за границей, а поэтому были весьма дороги и не рассчитаны на сельские школы.

Одним из первых Сытин выпустил плакат «Человеческие расы», на котором были изображены фигуры представителей «монгольской, австралийской, негрской, американской и кавказской рас». Пособие разошлось моментально, чему в немалой степени способствовала предельно низкая цена – 5 копеек за большой, хорошо, в цвете отпечатанный лист. За расами пошли пособия по «географии, этнографии, биологии, истории. Издательство обратило особое внимание на портреты исторических лиц и на чудеса русской природы. Реки, озера, Кавказские горы, опасные переправы, а также губернские города, Петербург, Москва, знаменитейшие здания России». Картины эти были столь привлекательны, что покупали их не только школы, но и простые мужики.

Подсказанную Погожевой идею Сытин вполне творчески развил в совершенно неожиданном направлении. Поговорив с офенями и промониторив покупательский спрос, он пришел к выводу, что обучающие пособия могут быть полезными далеко не только для школ, но и для простых людей. Иван Дмитриевич обратился к известным агрономам и вскоре его печатные машины уже всюду выдавали плакаты «Лен и его обработка», «Как и какими семенами сеять», «Промышленный огород», «Удобрите поля, сады и огороды». Они не очень хорошо шли у крестьян, зато великолепно покупались земствами, управами, сельскими боль-

ницами и прочими прокрестьянскими учреждениями, которым необходимо было что-то вывешивать в коридорах.

Продавать плакаты госучреждением оказалось делом, несомненно, выгодным. И для того, чтобы еще увеличить эту выгоду Сытин в 1886 году добился для своей фирмы «Высочайшего утверждения», дававшего право на получение крупных государственных заказов. Сам Сытин всегда утверждал, что привилегию эту он получил исключительно по причине высокого качества продукции, низкой цены, а так же потому, что император помнил его еще по выставке. Однако сотрудники сытинской типографии в своих воспоминаниях, написанных и изданных уже после революции 1917 года, рассказывали, что «утверждение» издатель получил взамен на весьма серьезную взятку в 20 тысяч рублей⁴⁷. Надо признать, что дело того стоило. Ибо уже вскоре после этого сытинская типография довела печать обучающих и прочих плакатов до 50 миллионов отпечатков в год. Большая их часть заказывалась земствами и прочими госучреждениями. И хотя Сытин постоянно жаловался, что печатает их на пределе себестоимости, чуть не себе в убыток, учитывая тираж можно представить размеры полученной издателем прибыли.

⁴⁷ «Сытинцы в 1905 году. Сборник воспоминаний рабочих 1-й Образцовой типографии (б. Сытина)», ред. Е. Румайло, Л. Мальков, Н. Мирецкий (Москва, 192?), с. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.